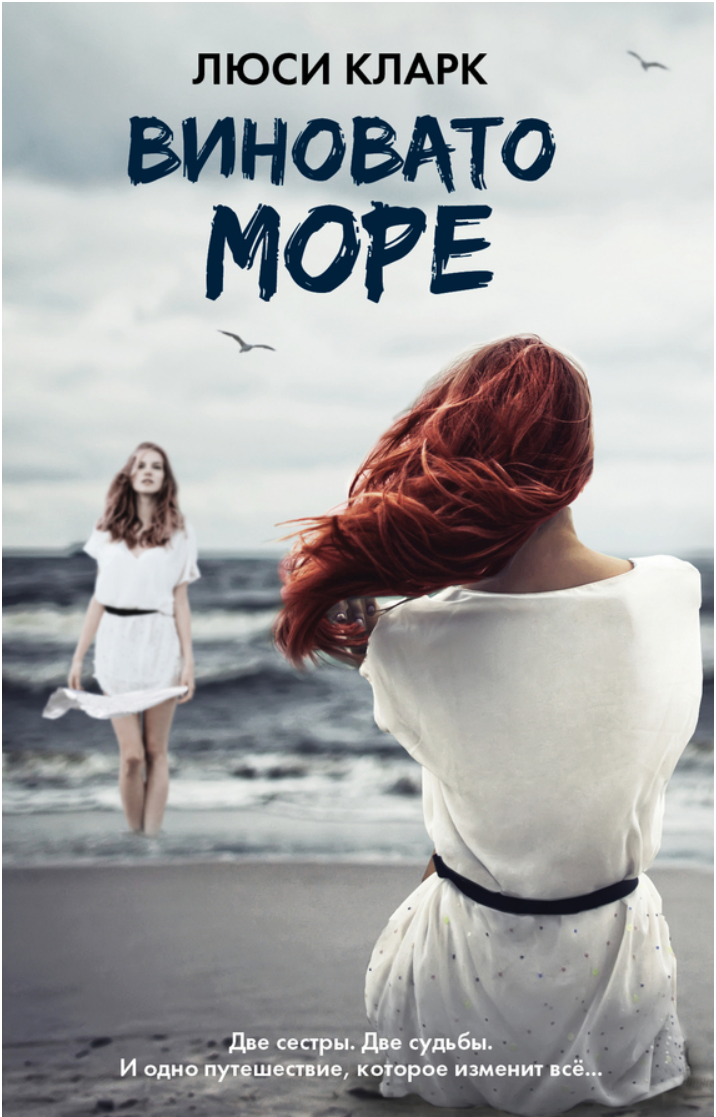
ЛЮСИ КЛАРК

ВИНОВАТО МОРЕ



Две сестры. Две судьбы.
И одно путешествие, которое изменит всё...

Люси Кларк
Виновато море

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8644622
Кларк, Люси. Виновато море : [роман]: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-081370-4

Аннотация

Две сестры. Две разные судьбы. И одно путешествие, которое изменит всё…

Практичная, рассудительная Кейти и своевольная и эксцентричная Миа никогда не были близки, а со временем и вовсе перестали общаться. Но однажды Кейти сообщают, что Миа при загадочных обстоятельствах погибла на Бали… и полиция утверждает, что это самоубийство. Что же произошло на самом деле? Чтобы понять это, Кейти, следуя дневникам Миа, пытается шаг за шагом повторить ее последнее путешествие – путешествие, которое, возможно, приведет ее к разгадке смерти сестры.

Однако каким будет конец пути для Кейти? И каким человеком выйдет она на берег, который для Миа оказался последним?

Содержание

1 5
2 26
3 38
4 61
5 76
6 92
7 107
Конец ознакомительного фрагмента. 114

Люси Кларк
Виновато море

Посвящается Джеймсу

Lucy Clarke
THE SEA SISTERS
Печатается с разрешения автора и литературных агентств Greene and Heaton Ltd., Literary Agency и Andrew Nurnberg
© Lucy Clarke, 2013
© Перевод. М.В. Жученков, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

1
Кейти

(Лондон, март)

Кейти снилось море. Но стоило ей, оперевшись на руки, подскочить в постели, как темная бурлящая вода с причудливыми завихрениями волн отхлынула. Где-то в квартире звонил телефон. Поморгав, Кейти протерла глаза. Стоявшие рядом часы показывали 02.14 пополуночи.

«Миа», – промелькнуло у нее в голове, и она мгновенно ощутила беспокойство. Сестра постоянно забывала о разнице во времени.

Откинув одеяло, Кейти, не обращая внимания на закрутившуюся вокруг талии ночную сорочку, соскользнула с кровати. Остывшие половицы обжигали ступни точно лед. Выставив вперед руки, она, подрагивая от холода, стала пробираться по комнате. Оказавшись возле двери, нащупала ручку и потянула на себя – скрипнули дверные петли.

Осторожно продвигаясь по темному коридору, Кейти слышала, как звонок телефона становился все громче. В этом звуке, раздававшемся в тихие, окутанные сном ночные часы, слышалось что-то тревожное. «Сколько же сейчас мо-

жет быть в Австралии? Полдень?»

Вчерашняя ссора напомнила о себе неприятным ощущением в животе. Сказанные сгоряча слова били наотмашь, а прозвучавшее в их контексте имя матери было подобно разорвавшемуся снаряду. От чувства вины Кейти потом стало так тошно, что она, совершенно не способная сосредоточиться, ушла с работы на час раньше. Хорошо хоть, что у них сейчас вновь появится возможность поговорить, и она скажет Миа, как сильно обо всем сожалеет.

Уже в паре шагов от телефона Кейти вдруг поняла, что звонки прекратились. Она в нерешительности прижала руку ко лбу. Миа положила трубку? Или ей приснилось?

Звонок раздался вновь. Но это был уже не телефон, а настоятельный сигнал домофона.

Со вздохом, уверенная в том, что явились запоздалые гости проживавших выше коммерсантов, Кейти наклонилась к переговорному устройству, одновременно нажав на кнопку микрофона:

– Да?

– Это полиция.

Кейти оторопела. Сон тут же растаял, подобно морской дымке в солнечный день.

– Мы бы хотели поговорить с мисс Кейти Грин.

– Я слушаю. – Она почувствовала, как у нее сжалось в горле.

– Можно к вам подняться?

Нажав на кнопку, Кейти открыла входную дверь. В голове ее крутилось: «Что? Что же могло случиться?» Щелкнув выключателем, она тут же заморгала от ярко вспыхнувшего в прихожей света, опустила взгляд и невольно посмотрела на свои босые ноги с накрашенными розовым лаком ногтями и мятый подол шелковой ночной сорочки на фоне бледной кожи бедер. Она хотела было сходить за халатом, но на лестнице уже слышались тяжелые шаги.

Кейти открыла дверь, и в квартиру вошли двое полицейских.

– Мисс Кейти Грин? – спросила одетая в форму женщина со светлыми, чуть седеющими волосами и румянцем на щеках. Рядом с ней стоял молодой человек, на вид годящийся ей в сыновья, тоже в форме. Потупив взор, он упорно смотрел вниз.

– Да.

– Вы одна?

Кейти кивнула.

– Миа Грин приходится вам сестрой?

Кейти невольно прижала ладони ко рту.

– Да…

– К сожалению, мы вынуждены сообщить вам, что по информации полиции Бали…

«О Боже, – пронеслось у Кейти в голове. – Господи…»

– …Миа Грин была найдена мертвой. Ее обнаружили у подножия скалы в Умануке. Как полагает полиция, она упа-

ла…

– Нет! Нет! – Кейти отпрянула от них, словно стремясь броситься прочь, горечь обожгла горло. Этого не может быть. Не может быть.

– Мисс Грин?

Она не могла заставить себя обернуться к ним. Ее взгляд упал на стенную доску с памятками в виде аккуратно пришпиленных приглашений, календаря и визитки некоей фирмы по доставке еды. Над ними расположилась карта мира. За неделю до того, как Миа отправилась путешествовать, Кейти попросила ее обозначить на ней свой маршрут. Криво улыбнувшись в ответ, Миа все же удовлетворила ее просьбу, но вместо мест назначения и дат обозначила весьма условный маршрут, который, начинаясь на западном побережье Австралии, пролегал через весь континент, а также Новую Зеландию, Фиджи, Самоа, Вьетнам и Камбоджу, – нескончаемое лето на бескрайних морских берегах. Кейти старалась отслеживать перемещения Миа по их нечастым сеансам связи, и в данный момент серебристая канцелярская кнопка торчала где-то в Западной Австралии.

Глядя на карту, она вдруг поняла, что здесь какая-то нестыковка, и повернулась к полицейским.

– Где ее нашли?

– В Умануке, – повторила женщина. – Это южная оконечность Бали.

«Бали. Бали не входил в маршрут Миа. Произошла ошиб-

ка!» Кейти чуть не рассмеялась – ей захотелось с облегчением выплеснуть из себя эмоции.

– Миа не на Бали. Она в Австралии.

Кейти заметила, как переглянулись полицейские. У женщины были голубые глаза, макияж полностью отсутствовал. Она взяла инициативу в продолжении диалога на себя:

– К сожалению, в паспорте Миа имеется отметка о прибытии на Бали четыре недели назад. – Она говорила тихим голосом, в котором, однако, слышалась пугающая Кейти определенность. – Мисс Грин, может, вам стоит присесть?

Миа не могла умереть. Ей ведь всего двадцать четыре. Это ее младшая сестренка. Непостижимо. В голове у Кейти поплыло. Она слышала, как внизу урчал водонакопитель. Где-то работал телевизор. С улицы доносилось пение подвыпившего гуляки. Он пел!

– А Финн? – вдруг спросила она.

– Финн?

– Финн Тайлер. Они путешествовали вместе.

Женщина раскрыла блокнот, быстро пробежала взглядом по сделанным в нем записям и покачала головой:

– Боюсь, на данный момент у меня нет о нем никакой информации. Но, я уверена, полиция Бали свяжется с ним.

– Ничего не понимаю, – прошептала Кейти. – Может, вы… я… мне нужно все знать. Вы должны мне все рассказать.

Офицер полиции назвала точное время и место, где бы-

ла найдена Миа. По ее словам, медики прибыли довольно быстро, однако по прибытии им оставалось лишь констатировать смерть. Она также сказала, что тело отправлено в находящийся на Бали морг Сангла; заверила, что расследование будет продолжаться, но на данном этапе полиция Бали убеждена: происшедшее – результат несчастного случая.

Кейти стояла абсолютно неподвижно.

– Не хотите, чтобы мы оповестили еще кого-нибудь?

Она тут же подумала о матери. На какое-то мгновение ей представилось, как хорошо было бы ее обнять, ощутить прикосновение щеки к ее мягкому кашемировому джемперу.

– Нет, – немного помедлив, ответила Кейти. – И сейчас я прошу вас уйти.

– Конечно. Завтра с вами свяжутся из министерства иностранных дел по поводу отчета полиции Бали. Я бы тоже хотела вновь увидеться с вами. Я выступаю в роли контактного лица и готова ответить на любые ваши вопросы. – Вынув из кармана визитку, женщина положила ее возле телефона.

Выразив свои соболезнования, полицейские ушли. Едва дверь за ними захлопнулась, как у Кейти подкосились ноги и она медленно осела на холодный деревянный пол. Она не плакала. Подтянув колени к груди, она старалась сдержать охватившую ее дрожь. Почему Миа оказалась на Бали? Кейти почти ничего не знала об этом месте. Несколько лет назад там возле ночного клуба прогремел взрыв. Что еще? Ну, конечно, скалы, утесы. Она представляла их поросшими тра-

вой, как в Корнуолле, где маленькая Миа скакала с развевающимися темными волосами.

Кейти попыталась представить, как Миа могла упасть. Она стояла на краю, а земля осыпалась под ногами? Потеряла равновесие из-за неожиданного порыва ветра? Сидела на краю и что-то отвлекло ее внимание? Падение с утеса выглядело абсурдной беспечностью. Скудные факты, которыми располагала Кейти, никак не могли сложиться во что-то убедительное. Она понимала, что должна кому-нибудь позвонить. Эду! Ей надо поговорить с Эдом.

Правильно набрать номер ей удалось лишь с третьей попытки. Она услышала шелест одеяла, сонное «алло?» и тишину в ожидании ее ответа. Потом он заговорил уже спокойно и внятно.

– Я сейчас приеду, – коротко пообещал он.

Прошло, должно быть, не менее десяти минут, пока он добрался из своего Фулхэма к ней в Патни[1], но, оглядываясь назад, Кейти вряд ли это помнила. Она вся дрожала и так и продолжала сидеть на полу в прихожей, когда раздался звонок домофона. Кейти встала, пошатываясь. Половицы отпечатались на коже ее бедер красными полосками. Нажав кнопку, она открыла входную дверь.

До Кейти донесся гулкий стук его шагов. Взбежав через одну ступеньку, Эд был уже на пороге. Она открыла дверь, он вошел и заключил ее в объятия.

---

[1] Названия районов в Лондоне. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Милая! – произнес он. – Бедненькая моя!

Она уткнулась лицом в шершавую шерстяную ткань его куртки, чувствуя, как та колет ее холодную щеку, и уловила запах дезодоранта. Он перед выездом воспользовался дезодорантом?

– Ты совсем окоченела. Не будем здесь стоять. – Он отвел ее в гостиную, и она присела на краешек кожаного дивана кремового цвета. «Сидишь, словно на ванильном мороженом», – сказала Миа в то утро, когда его привезли.

Сняв с себя куртку, он накинул ее на плечи Кейти и нежно, круговыми движениями погладил по спине. Потом удалился на кухню, и она услышала, как, открыв дверцу шкафа, он включил бойлер системы отопления, которая тут же ожила и загудела. Последовал шум воды из крана – он наполнил чайник; звук открывающихся и закрывающихся кухонных ящиков, полок буфета и холодильника.

Он вернулся с чашкой чая, но она даже не шевельнула рукой, чтобы взять ее.

– Кейти, – сказал он, приседая, чтобы не возвышаться над ней. – У тебя был шок. Попей немножко. Тебе станет лучше.

Он поднес чашку ей ко рту, и она послушно отпила. Ощущение сладковатого молочного привкуса на языке сразу вызвало у нее позыв к рвоте. Зажимая рукой рот, она метнулась мимо него в ванную. Соскользнувшая с ее плеч куртка упала на пол.

Давясь от тошноты, Кейти склонилась над раковиной.

Обильно выделяемая слюна потекла на керамическую поверхность.

– Прости… – Сзади подоспел Эд.

Сполоснув руки, Кейти умыла лицо.

– Дорогая… – Эд протянул ей голубое полотенце для рук. – Что произошло?

Закрыв лицо полотенцем, она потрясла головой. Осторожно взяв у нее полотенце, он снял с дверного крючка халат и, направляя ее руки в рукава, помог ей облачиться в мягкую хлопковую ткань. Затем взял ее ладони в свои и нежно погладил.

– Поговори со мной.

Сдавленным голосом она повторила все, что узнала от полицейских. Она представила, что, если бы посмотрелась в зеркало, ее кожа казалась бы мертвенно-бледной, а глаза безжизненными.

По дороге в гостиную Эд задал ей тот вопрос, на который она сама хотела знать ответ:

– Как случилось, что твоя сестра оказалась на Бали?

– Понятия не имею.

– Ты разговаривала с Финном?

– Еще нет. Надо ему позвонить.

Дрожащими руками она набрала номер. Прижимая телефон к уху, долго слушала длинные гудки.

– Не отвечает.

– А его родные? Знаешь их номер?

Порывшись в записной книжке, Кейти нашла телефонный код Корнуолла. Эти цифры вызвали в ее памяти обрывки каких-то далеких воспоминаний, которые она была не в состоянии осознать.

Финн был младшим из четырех братьев. Его мать, Сью, сдержанная женщина, на долю которой выпало немало тягот и волнений, ответила полусонным голосом:

– Да… кто это?

– Кейти Грин.

– Кто?

– Кейти Грин. – Она откашлялась. – Сестра Миа.

– Миа? – повторила Сью и тут же спохватилась: – Что-то с Финном?

– Произошел несчастный случай…

– Финн…

– Нет. Миа. – Замолчав, Кейти взглянула на Эда. Кивком головы он подал ей знак продолжать. – Ко мне приходили из полиции. Они сказали, что Миа была на Бали… Там какой-то утес. И она упала. Говорят, она умерла.

– Не может быть…

До Кейти донесся голос отца Финна – ему было за шестьдесят, он отличался спокойным характером и работал в Департаменте лесного хозяйства. Послышались приглушенные восклицания, затем вновь раздался голос Сью:

– А Финн знает?

– Думаю, да. Но его мобильный не отвечает.

– Несколько недель назад он его потерял и пока не купил новый. Мы пользуемся электронной почтой. Хотите, я дам его адрес…

– Как они оказались на Бали? – перебила Кейти.

– На Бали? Финн не на Бали.

– Но они утверждают, что Миа была найдена именно там. У нее в паспорте отметка…

– Миа поехала на Бали. А Финн – нет.

– Что? – Рука Кейти сжала телефон.

– У них произошла размолвка. Простите, я думала, вы в курсе.

– Когда это случилось?

– Да уж с месяц тому назад. Финн рассказывал Джеку. Насколько я поняла, они поссорились – уж не знаю, по какому поводу, – и Миа решила поменять билет.

Голова у Кейти закружилась. Союз Миа с Финном казался ей нерушимым. Она представила их детьми: Финна с кучей мокрых водорослей на голове в виде парика и умирающую от смеха Миа. Причиной расставания при настолько редкой крепкой дружбе могло стать лишь нечто ужасное, чего она просто не могла себе представить.

Прошло десять дней. Кейти лежала в постели с закрытыми глазами абсолютно неподвижно, вытянув руки вдоль тела в предчувствии чего-то дурного, но пока еще не осознанного. Спальню заливали лучи зимнего солнца. Едва она успела

вспомнить, почему ее веки так набухли и воспалились, как нахлынула скорбь.

Миа.

Подтянув колени к груди, Кейти свернулась калачиком и вцепилась зубами в крепко сжатый кулак, и зажмурилась, однако мрачные картины все же проникали в ее сознание: беззвучно падающая Миа, ее волосы, отброшенные от лица порывом ветра, сдавленный вскрик, звук треснувшего от удара о скалу черепа.

Кейти хотела было дотронуться до Эда, однако там, где он спал, рука нащупала лишь примятую постель. Прислушавшись, она вскоре с облегчением различила доносившийся из гостиной легкий стук клавиш: он списывался со своим офисом по электронной почте. Кейти позавидовала ему – его жизнь могла продолжаться, в то время как ее остановилась.

Она понимала, что надо принять душ. Конечно, проще было бы остаться под одеялом и вылезти из этого кокона лишь в полдень сонной и с плохо соображающей головой, как вчера. Сделав над собой усилие, Кейти с тяжелым вздохом поднялась с постели.

Плетясь в направлении ванной, она будто в забытьи задержалась возле двери в комнату Миа. Эту квартиру они покупали вместе, получив небольшое наследство после смерти матери. То, что они намеревались поселиться вдвоем, удивляло всех, включая и саму Кейти, в свое время поклявшуюся никогда не жить с Миа под одной крышей: слишком жива

была память об их далеко не самых дружелюбных отношениях в отрочестве. Однако ее беспокоило, что если Миа не вложит причитающуюся ей долю во что-то серьезное, то деньги утекут сквозь пальцы. Именно Кейти занималась осмотром подходящего жилья, договаривалась с юристами и агентами по недвижимости и бежала под дождем со сломанным зонтом, чтобы успеть оформить все необходимые бумаги.

Легонько взявшись за медную дверную ручку, она повернула ее. В холодном застоявшемся воздухе чуть пахло жасмином. Миа установила кровать под высоким раздвижным окном, чтобы, проснувшись, видеть небо. На спинку в изножье кровати была наброшена дубленка, которую носила еще их мать, – настоящий экспонат семидесятых с бесформенным широким воротником. Кейти вспомнила, как сестра всю зиму куталась в нее, точно потерявшееся во времени «дитя цветов».

Стоящий возле кровати столик из сосны был завален всякой ерундой: выключенный из розетки старый пыльный стереопроигрыватель; три картонных коробки с компакт-дисками; туристические ботинки без шнурков; куча зачитанных книжонок в обложках и пара канцелярских стаканчиков с ручками. Картинки и фотографии, которыми были завешены стены прежних комнат Миа, в этой спальне отсутствовали: она не стремилась их как-то украсить, словно никогда и не собиралась здесь задерживаться.

Именно Кейти убедила сестру перебраться в Лондон с по-

мощью таких слов, как «возможности» и «карьера», никогда не входивших в лексикон Миа. Миа проводила дни, гуляя по городу или катаясь в лодке, взятой напрокат в Баттерси-парке, и словно находясь где-то в другом месте. За пять месяцев она сменила пять мест работы, поскольку ей порой неожиданно приходило в голову сорваться куда-нибудь за город – в поход, «на природу», и она уведомляла об этом Кейти, подсунув под дверь ее комнаты записку, а своему работодателю оставляла сообщение на автоответчике. Кейти пыталась пристроить Миа на работу, используя свои связи, однако «закрепить» ее на месте было так же непросто, как пришпилить ленточку к ветру.

Заметив заляпанные грязью кроссовки, она вспомнила тот вечер, когда Миа объявила о своем намерении отправиться путешествовать. Кейти готовила ризотто и уверенными движениями резала на кухне лук. Она уже ссыпа́ла нарезанное на сковороду, когда Миа вошла на кухню, чтобы наполнить водой из-под крана свою походную бутылочку. На ней была футболка, на шее болтались маленькие белые наушники.

– Собралась на пробежку? – поинтересовалась Кейти, вытирая слезящиеся глаза рукавом вязаной кофты.

– Ага.

– Как самочувствие? Похмелье не мучит? – Перед уходом на работу Кейти, намереваясь принять душ, зашла в ванную и обнаружила там спящую на полу Миа во взятом у нее без

спросу платье.

– Превосходное, – не поворачиваясь, ответила та. Закрыв кран, она вытерла руки о майку, оставляя на ней серебристые капли воды.

– Что у тебя с ногой?

Миа глянула вниз на зловеще красневшую чуть выше носка рану.

– На работе порезалась. Разбила стакан.

– Может, стоит заклеить пластырем? У меня в комнате есть.

– Все нормально.

Кейти кивнула в ответ, помешивая на сковороде лук и наблюдая за тем, как из белого он становился прозрачным, потом прибавила огонь.

Миа в нерешительности постояла возле мойки и вдруг сказала:

– Я тут говорила с Финном…

Кейти подняла взгляд: в разговорах между ними его имя упоминалось редко.

– Мы решили попутешествовать.

Кейти перестала помешивать на сковороде лук, и он зашипел.

– Попутешествовать?

– Ага.

– И как же долго?

Миа пожала плечами.

– Посмотрим. Может, год.

– Год!

– Да, у нас билеты с открытой датой.

– Вы что – уже забронировали?

Миа утвердительно кивнула.

– И когда вы это решили?

– Сегодня.

– Сегодня? – переспросила Кейти, не веря своим ушам. – Ты хорошо подумала?

Миа удивленно приподняла брови.

– А что такого?

– Не знала, что у тебя есть на это деньги.

– Разберусь.

Подгоревшее на сковородке масло затрещало, в разные стороны полетели брызги.

– А Финн что – решил взять творческий отпуск? Полагаю, на радиостанции от такого решения все будут в восторге.

– Он уже подал заявление.

– Но ему же так нравилась эта работа…

– Неужели? – Миа посмотрела на нее в упор.

Воздух на кухне казался наэлектризованным.

Наконец Миа взяла свою походную фляжку, нацепила наушники и вышла. Сковорода зачадила, и Кейти пришлось выключить конфорку. От приступа гнева ее бросило в жар, и она было пошла за сестрой, однако, когда до нее донесся звук шагов в кроссовках, открывающегося замка и, в довершение

всего, хлопнувшей двери, Кейти вдруг осознала, что охватившим ее чувством был не гнев и даже не горечь, а скорее облегчение. Она больше не несла ответственности за Миа: теперь это становилось проблемой Финна.

Телефон зазвонил уже за полдень. Оторвавшись от ноутбука, Эд поднял взгляд. Кейти отрицательно покачала головой. Она ни с кем не хотела разговаривать, предоставляя автоответчику записывать дружеские соболезнования, перемежавшиеся с неловкими паузами и сбивчивыми извинениями.

Аппарат, щелкнув, включился.

– Алло, здравствуйте. Это мистер Спайр из министерства иностранных дел в Лондоне.

Глаз у Кейти нервно дернулся. Не дожидаясь конца сообщения, трубку взял Эд.

– Алло, это жених Кейти. – Он переглянулся с ней и продолжил: – Да-да, она рядом. – Кивком головы Эд предложил ей ответить.

Взяв трубку, она замерла с ней в вытянутой руке, словно с пистолетом, который было велено приставить к собственной голове. После смерти Миа мистер Спайр звонил уже дважды: сначала – чтобы получить разрешение на проведение аутопсии, затем – чтобы обсудить доставку тела. После небольшой паузы Кейти откашлялась и поднесла трубку ко рту.

– Это Кейти, слушаю, – медленно произнесла она.

– Вам удобно сейчас говорить?

– Да, все нормально. – От сухого и душноватого из-за центрального отопления воздуха в горле першило.

– С нами связалось британское консульство на Бали. У них появились новые данные о смерти Миа.

Она закрыла глаза:

– Слушаю вас, продолжайте.

– В подобных случаях в процессе аутопсии нередко проводятся токсикологические исследования. У меня есть результаты с копией заключения, о которых я хотел вам сообщить.

– Да-да, конечно.

– Результаты указывают на то, что в момент смерти Миа находилась в состоянии опьянения. Содержание алкоголя в крови составляло 0,13, что подразумевает вероятность рефлекторных и реактивных расстройств. – Последовала пауза. – И еще кое-что.

Дойдя до дверного проема, Кейти для верности схватилась за косяк.

– Полиция Бали допросила двух свидетелей, которые утверждают, что видели Миа вечером в день ее смерти. – По тому как Спайр замялся, Кейти почувствовала, что говорить ему непросто. – Я очень сожалею, Кейти, но в своих показаниях они заявляют, что Миа прыгнула сама.

Земля вдруг перевернулась, и внутри у Кейти словно что-то оборвалось. Резко подавшись вперед, она согнулась пополам. Сзади раздались приближающиеся шаги, и ей на спину

легла рука Эда. Выпрямившись, она оттолкнула его.

– Вы думаете, она… – Ее голос прозвучал, точно натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть. – Считаете, это – самоубийство?

– Боюсь, что на основе показаний свидетелей и результатов аутопсии причину смерти определили как самоубийство.

Кейти прижала руку ко лбу.

– Понимаю, насколько тяжело…

– Эти свидетели – кто они?

– У меня есть копии их показаний. – До Кейти донесся скрип кресла, и она представила, как Спайр нагнулся за ними через широкий стол. – Да, вот они. Свидетелями являются тридцатилетние супруги, которые проводили на Бали свой медовый месяц. В своих показаниях они утверждают, что решили вечером прогуляться по нижней тропе вдоль скал в Умануке и задержались на смотровой площадке – это было около полуночи. Мимо пробегала молодая женщина, по описаниям похожая на Миа. Она казалась сильно встревоженной. Мужчина поинтересовался, не нуждается ли она в помощи, и, по его словам, Миа ответила: «Нет». Потом она исчезла в направлении, именуемом верхней тропой, которая, судя по всему, на протяжении нескольких лет оставалась нехоженой. Примерно пять-восемь минут спустя свидетели, подняв головы, увидели Миа стоящей на самом краю обрыва. В отчете сказано, что они испугались за нее, но, прежде чем они успели что-то предпринять, она прыгнула вниз.

– Господи… – Кейти охватила дрожь.

Мистер Спайр выждал несколько секунд и продолжил:

– Из результатов аутопсии следует, что, судя по полученным увечьям, Миа, видимо, падала со скалы лицом вперед, что совпадает с показаниями свидетелей. – Он продолжил перечислять новые детали, но Кейти уже не слушала. Мысли перенесли ее на вершину той самой скалы.

«Ведь все же не так, Миа, правда? Ведь ты не прыгала со скалы. Я просто не верю. Что же я тогда такого сказала? Господи, прошу тебя, пусть это будет не из-за того, что я сказала…»

– Кейти, – донеслось из телефонной трубки. – Достигнута договоренность о доставке тела Миа в Великобританию в среду на будущей неделе. – Далее она по его просьбе сообщила необходимую информацию об уже выбранном ею похоронном бюро, и разговор на этом завершился.

Почувствовав резкую боль в глазах, Кейти надавила на веки большим и указательным пальцами. В квартире внизу плакал ребенок.

Эд осторожно развернул ее к себе.

– Говорят, она совершила самоубийство, – еле слышно выдавила Кейти. – Но это не так.

Он положил руки ей на плечи.

– Все пройдет, Кейти.

Но откуда ему знать? Она ведь не рассказала ему о той жуткой перепалке, которая случилась у них с Миа. И о тех

произнесенных ею с ненавистью словах. И о той горечи, перемешанной с раздражением, что долгие месяцы тлели в них обеих. Она не посвящала Эда в подобные дела, так как в отношениях сестер бывает нечто темное и глубокое, словно подводное течение, и тем, кто плавает на поверхности, лучше не знать о том, что творится в глубине.

Отвернувшись от Эда, Кейти тихо ушла к себе в комнату, легла на кровать и, закрыв глаза, попыталась сконцентрироваться на чем-то хорошем, что было у них с Миа. Мысли вернули ее к моменту их прощания в аэропорту. Ей вспомнилось гибкое тело Миа, ее худенькие жилистые руки и острые ключицы, упершиеся ей в грудь во время их прощальных объятий.

Кейти не отпускала бы ее гораздо дольше, наслаждаясь каждым мгновением, если бы знала, что обнимает сестру в последний раз.

2
Миа

(Лондон, октябрь прошлого года)

Обнявшись с сестрой, Миа почувствовала ее прижатую мягкую щеку. Чтобы дотянуться, Кейти пришлось приподняться на цыпочки, и Миа ощущала изгиб ее тела, ее хрупкие плечи.

Обнимались сестры нечасто. Когда-то в детстве, лишенные взаимных предубеждений, они были полностью раскованны и могли, тесно прижавшись друг к другу, вместе втиснуться в одно кресло; перебирая друг у дружки тонкие пряди волос, вплетать в них яркие бусины или, дружно взявшись за руки, играть на согретом солнцем песке, изображая парящих ангелов. Миа не могла вспомнить, когда такая физическая близость стала ей чуждой. Кейти не утратила теплоты прикосновений: ее приветствия сопровождались объятиями или поцелуями, в процессе общения ей было свойственно доверительно положить руку на плечо собеседника.

Пожалуй, последний раз они так обнимались год назад, в день похорон матери. Облаченные в черные траурные одежды, сестры, оказавшись на узенькой площадке возле дома,

где прошло их детство, сказали друг другу нечто откровенное. Кейти распростерла руки, хотя, по правде говоря, инициатива должна была бы исходить от Миа, и, уже сжимая друг друга в объятиях, они с облегчением прошептали слова, означавшие заключение перемирия. Правда, продлилось оно недолго.

И вот сейчас, обнимая сестру в зоне регистрации пассажиров аэропорта Хитроу, Миа почувствовала подкативший к горлу комок и жжение подступающих слез. Она напряглась. Стараясь не смотреть на Кейти, надела на плечи поднятый с пола рюкзак и высвободила из-под него свои волосы.

– Готова? – спросила Кейти.

– Пожалуй.

– Ничего не забыла?

– Нет.

– Паспорт? Билеты? Деньги?

– Все на месте.

– Финн должен сейчас подойти?

– Да. – Миа постаралась устроить все так, чтобы они с Кейти по возможности не пересеклись. – Да, спасибо, что подвезла, – добавила она, тронутая тем, что Кейти ради этого взяла на работе отгул. – Может, и не стоило бы.

– Хотелось попрощаться по-человечески. – Кейти была в элегантном сером платье и светло-коричневом жакете. Стояла, сунув руки в широкие карманы. – У меня такое ощущение, что мы с тобой в последнее время почти не виделись.

Опустив глаза, Кейти заскользила взглядом по полу, пытаясь подыскать этому какое-то объяснение.

– Миа, – наконец произнесла она, чуть подавшись вперед. – Ты, должно быть, решила, что я недовольна твоим отъездом. Однако это все просто как-то печально: ты вот так уезжаешь…

– Я понимаю.

Кейти взяла ее руки в свои. Вынутые из карманов ладони сестры были сухими и теплыми, в отличие от ее собственных влажных пальцев.

– Прости, если в Лондоне тебе оказалось неуютно. Возможно, я тому виной. – Кейти легонько теребила серебряное колечко на большом пальце Миа. – Мне лишь казалось, что после того, как мамы не стало, нам с тобой лучше держаться вместе. Я знаю, что тебе в последнее время было нелегко, и прости, если ты не чувствовала, что можешь прийти и поделиться со мной своими проблемами.

Миа ощутила возникшее наподобие вязкого кома в горле чувство вины. «Как я могла с тобой этим делиться?»

Ей вспомнился день, когда она забронировала поездку. Очнувшись в ванной комнате, она поняла, что лежит, прижавшись щекой к холодному, пахнущему хлоркой кафельному полу, в перекрученном вокруг талии платье – зеленом, цвета жадеита, позаимствованном у Кейти, – и босая: одна туфля валялась под раковиной, другая повисла на корзинке для мусора.

В дверях, обернувшись пушистым голубым полотенцем, стояла Кейти.

– Боже, Миа…

Голова раскалывалась, во рту стоял едкий привкус алкоголя. Миа попыталась подняться, и виски стиснул острый приступ боли. В голове проносились картины прошлого вечера: полутемное помещение, стаканы с остатками виски, отупляющий ритм ритм-н-блюз, витающий в воздухе приторный запах пота, подзадоривающие мужские голоса, чьето знакомое лицо, непреодолимая жажда риска. Она помнила, как, повесив на плечо сумку, «опрокинула» последний стакан виски и поплелась по темному коридору. Воспоминания о том, что произошло дальше, были настолько свежи в памяти и вызывали настолько пронзительное чувство стыда, что ей было просто необходимо скрыться. Уехать куда-нибудь подальше от Лондона. И от сестры.

Громко прозвучавшее объявление для авиапассажиров вернуло ее к настоящему.

– Мне как-то неспокойно за тебя, – сказала Кейти.

Под видом необходимости поправить лямки рюкзака Миа отдернула свою руку:

– Все будет хорошо.

Они дружно повернулись, посмотрев на суетливо пробегавшую мимо них пожилую пару.

– Господи, – бормотал мужчина, толкая тележку с багажом вслед за спешащей на каблуках супругой – ее пальцы

с накрашенными ногтями сжимали проездные документы. Мужчина успел бросить взгляд на Кейти. Даже опаздывая на самолет, даже несмотря на присутствие жен, мужчины не могли удержаться от этих взглядов. Их влекло к ней, точно пчел на мед, или, как когда-то в ярости сказала Миа, точно мух на дерьмо. И дело было не только в точеной фигурке Кейти или в ее светлых, с медовым отливом волосах – она буквально источала некую манящую уверенность в себе, словно заявляя: «Я знаю, кто я такая».

Кейти не заметила этого восхищенного взгляда, поскольку ее внимание привлек кое-кто другой – размашистой походкой к ним стремительно приближался Финн. На нем были традиционные майка, джинсы и «конверсы»[2]; на плече болтался истрепанный, защитного цвета рюкзак.

Чуть отступив назад, Кейти поравнялась с Миа и вновь сунула руки в карманы.

Медленно переведя взгляд с одной девушки на другую, Финн расплылся в широкой простодушной улыбке.

– Сестрички Грин! – Если он даже и почувствовал какое-то замешательство, то ничем его не выдал. – Ну что, Кейти, едем с нами?

– Я мысленно буду с вами на протяжении всего путешествия благодаря сообщениям, которые Миа будет слать мне по электронной почте.

– Намек понят, – с улыбкой отозвалась Миа.

---

[2] Кеды; по названию фирмы.

Внезапно раздавшийся сигнал заставил всех троих, посторонившись, сбиться в кучку: к ним приближался электрокар аэропортовой службы, тащивший за собой вереницу багажных тележек.

– Так как дела-то? – поинтересовался Финн у Кейти. – Давненько ведь не виделись.

– Да, порядочно. Спасибо, все прекрасно. Работы много. Но это и хорошо. А у тебя? Как ты?

– В радостном предвкушении годичного отдыха.

– Да вы оба, наверное. Начнете с Калифорнии?

– Да, пару недель поездим по побережью, а потом – в Австралию.

– Как заманчиво. Жутко завидую.

«Неужели? – подумалось Миа. – Интересно, захотелось бы ей вот так, с пожитками на плечах и без какого-то плана, перемещаться с места на место?»

– Что ж, – сказала Кейти, вынимая из сумочки ключи от машины, – пожалуй, мне пора. – Она взглянула на Финна, и ее лицо стало серьезным. – Присмотришь за ней?

– Это все равно что просить золотую рыбку постеречь пиранью.

Выражение ее лица чуть смягчилось.

– Просто привези ее назад в целости и сохранности.

– Обещаю. – Он чуть подался вперед и чмокнул ее в щеку. – Будь здорова.

Поджав губы, Кейти коротко кивнула в ответ.

– Будешь звонить? – обратилась она к Миа. – Мобильник-то не забыла?

– Я его с собой не взяла. – Увидев выражение лица Кейти, она добавила: – Дорого звонить из-за границы. – Однако истинной причиной являлось не это: Миа просто не хотела быть на связи.

– Мой телефон с собой, если вдруг что-то понадобится, – встрял Финн. – У тебя же остался мой номер?

– Да, кажется, да.

Последовала короткая пауза. Миа вдруг почему-то стало интересно, как Кейти намеревается провести остаток дня. Выпить с очередной приятельницей кофе? Отправиться в спортзал? Пообедать с Эдом? Она неожиданно поняла, что понятия не имеет, как сестра проводит время.

– Сообщишь, когда доберетесь?

– Конечно, – ответила Миа, машинально пожав плечами. Ей хотелось сказать Кейти, что она любит ее или как сильно будет по ней скучать, но нужные слова почему-то не находились. С ней всегда так. В конце концов она лишь помахала рукой и, развернувшись, вместе с Финном удалилась.

Прижавшись носом к стеклу, Миа смотрела на удаляющийся под белыми крыльями самолета Лондон. Они поднялись над слоем облаков, и вид города неожиданно пропал. Она откинулась на спинку кресла, и сердце стало понемногу успокаиваться. Отъезд состоялся.

У нее на коленях лежал дневник – «путевой журнал». Она купила его на Кэмден-маркет в лавке, где продавались флюгеры, карты и старинные карманные часы. Ее внимание привлекла обтягивающая обложку ткань цвета морской синевы и многообещающие кремовые страницы.

Она раскрыла его. Открыла, щелкнув о ключицу, шариковую ручку и написала первую пару строк.

Люди отправляются путешествовать по двум причинам: потому что хотят что-то отыскать или потому что хотят от чего-то убежать. В моем случае верно как первое, так и второе.

Миа сунула свой «путевой журнал» в карман кресла, где лежали ламинированные листки с правилами безопасности для авиапассажиров, и закрыла глаза.

Оставив позади хребет Сьерра-Невады, самолет начал снижение. Миа смотрела на проплывавшие внизу облака. Они казались мягкими и манящими. Она представила, как прыгает в них и плывет по воздуху, купаясь в их пушистых объятиях.

– Они не такие уютные, какими кажутся, – сказал Финн, словно читая ее мысли.

Финн Адам Тайлер оставался ее лучшим другом с тех пор, как они еще одиннадцатилетними детьми познакомились в

школьном автобусе. Четыре недели назад она позвонила ему на работу, чтобы сообщить, что собирается отправиться путешествовать. Сидя на кухонной столешнице, она болтала ногами перед дверцей холодильника и, когда он подошел к телефону, лишь сказала: «У меня идея».

– И что требуется от меня? – отозвался он в духе их подростковых бесед, когда задуманный кем-то из двоих план должен был получить поддержку другого.

– Паспорт, заявление об увольнении, рюкзак и прививка от тифа, – с улыбкой ответила она.

Последовала пауза.

– Миа, ты что там удумала? – прозвучало наконец.

– Забронировала два билета на кругосветное путешествие: Америка, Австралия, Новая Зеландия, Фиджи, Самоа, Вьетнам и Камбоджа. Стартуем через четыре недели. Едешь?

Последовало продолжительное молчание – продолжительное настолько, что Миа уже начала волноваться, не показалась ли она ему чересчур импульсивной и не скажет ли он, что не может просто так взять и бросить работу.

– А укол от тифа – он делается в руку или в задницу? – неожиданно спросил Финн.

Миа взглянула на сидящего рядом приятеля: его ноги упирались в спинку переднего кресла, на коленях лежала газета. Знакомые со школьных лет длинные волосы были коротко пострижены, а на подбородке темнела грубая щетина.

С крайнего сиденья в их ряду поднялась элегантная дама в золотых серьгах и, придерживаясь за спинки кресел, направилась к туалету. Миа повернулась лицом к Финну.

– Я должна тебе кое-что сказать.

– Если это по поводу последней кормежки, уверяю тебя: я искренне посчитал, что ты не хочешь, чтобы тебя беспокоили.

Она улыбнулась:

– Кое-что серьезное.

Свернув газету, он полностью посвятил ей свое внимание.

Где-то впереди негромко захныкал ребенок.

Миа уселась, подсунув под себя ладони.

– Возможно, это несколько странно, – неуверенно начала она, – но когда я забронировала нам билеты, я вдруг поняла, что во время этой поездки мне необходимо побывать еще в одном месте. – Надо было бы сказать об этом Финну раньше, но она не решилась озвучить свою очередную идею из-за боязни наткнуться на нечто такое, к чему она еще не была готова. Порой она не отдавала отчет своим формирующимся мыслям, пока те, уже готовые, не подталкивали ее к каким-то действиям.

– Я забронировала еще одну остановку.

– Серьезно?

– После Сан-Франциско мы летим на Мауи.

– Мауи? – На его лице выразилось недоумение. – С чего вдруг?

– Там живет Мик. – Она выждала, пока он вспомнит прозвучавшее имя, которое в его присутствии не произносилось уже довольно давно.

– Твой отец?

Она кивнула.

Хныкавший младенец, судя по всему, вошел во вкус и обрел свою аудиторию: его голос окреп, а в проход полетела брошенная игрушка.

Финн внимательно смотрел на нее.

– Ты много лет не упоминала о нем. Захотелось его увидеть?

– Пожалуй, да.

– А он… Вы за все это время пытались хоть как-то контактировать?

Она покачала головой:

– Нет. Ни я, ни он.

Мик ушел, когда они с Кейти были совсем еще детьми, предоставив их матери одной растить двух дочерей.

– Не понимаю. А почему вдруг именно сейчас?

Это был справедливый вопрос, но в данный момент она не знала на него ответа и лишь пожала плечами. Впереди послышался раздраженный шепот одного из родителей ребенка:

– Ну все, хватит! Угомонись!

Финн водил костяшкой большого пальца по подбородку – типичный признак того, что он несколько озадачен.

– А что по этому поводу думает Кейти?

– Я не сказала ей.

Видя его недоумение, Миа почувствовала, что он собирается что-то сказать, и отвернулась к окну, завершая разговор.

Она пыталась мысленно уплыть с облаками, сознавая, что это было не единственным, что она скрыла от сестры.

3
Кейти

(Корнуолл – Лондон, март)

Сдвинув колени, Кейти, прямая как струна, сидела на церковной скамье. Вездесущий морской воздух проникал сквозь витражные окна и просачивался под тяжелую дубовую дверь. Ее пальцы сжимали влажную салфетку, поверх ее руки лежала рука Эда. Восемнадцать месяцев назад она сидела на этой же скамье – тогда хоронили мать, а ее рука сжимала пальцы Миа.

Ее взгляд был прикован к гробу. Все вдруг стало казаться каким-то неуместным – и отполированная до блеска древесина вяза, и латунные замки, и белые лилии на крышке. С чего ей вздумалось хоронить Миа рядом с мамой – ведь сестра так ни разу и не пришла на ее могилу? Может, стоило ее кремировать и развеять пепел в открытом море? «Как так случилось, что мне неведомо, чего бы ты хотела сама?»

У Кейти едва ли укладывалось в голове, что Миа находится в этом гробу. Два дня назад она пришла к выводу, что ей необходимо увидеть тело. У Эда на этот счет имелись большие сомнения.

– Ты уверена? Мы даже не представляем, что с ней могло стать после падения.

«Падение» – именно так это и говорилось, словно Миа просто оступилась в ванной или упала со стула.

Разубедить ее было невозможно. Увидеть труп Миа станет для нее тяжким испытанием, однако не увидеть ее вообще означало оставить в душе сомнение, и если дать ему со временем перерасти в надежду, то она рисковала оказаться во власти самообмана.

Когда Кейти зашла за тяжелую пурпурную портьеру траурного зала, ей вначале показалось, что Миа просто спит. Ее гибкое тело, темные волосы, губы выглядели как обычно. Однако смерть нашла свое отражение в ее коже. После долгого путешествия Миа сильно загорела, но смерть вкралась в нее мертвенной бледностью, так что кожа приобрела призрачно-безжизненный вид, напоминающий цвет пролитого на темный пол молока.

Директор похоронного бюро поинтересовался, не хотела бы Кейти подобрать для Миа погребальный наряд, но она отказалась: наряжать сестру, для которой понятие моды являлось чем-то абстрактным, показалось ей едва ли не надругательством. Миа влюблялась в вещи из-за их придуманной ею истории: например, свободное цельнокроеное платье темно-синего цвета напоминало ей о море, надевая купленные в комиссионном туфли на каблуке, она представляла, где им уже довелось побродить.

В ту роковую ночь Миа была в светло-голубых шортах. Они сидели слишком высоко на талии, а не на бедрах, как она сама бы их надела. Ноги босые, на обоих больших пальцах – по серебряному колечку, ногти не накрашены. Из-под кремовой блузки виднелась верхняя часть легкого бирюзового бикини. Шею окаймляло изящное ожерелье из крохотных белых ракушек с единственной жемчужинкой в центре. Даже для собственных похорон она выглядела слишком легкомысленно.

Кейти дотронулась до руки Миа – она оказалась холодной и будто бы налитой свинцом. Кейти медленно повела пальцами к локтевой ямке с перекрестьем тонких синих вен, уже не доставлявших по телу кровь, затем по краешку бицепса, по плечу и гладкой коже у основания шеи. Легонько погладив шрамик на виске Миа – крохотный серебристый полумесяц, Кейти прикоснулась к ее щеке. Она знала, что в результате удара задняя часть черепа Миа оказалась расколотой, однако никаких других повреждений на теле видно не было. Кейти почувствовала разочарование: все это время она надеялась, что нечто ускользнувшее от посторонних глаз укажет на то, что смерть Миа имела причину более вескую, чем самоубийство.

Аккуратно высвободив блузку, Кейти поправила на Миа шорты так, чтобы они сидели на бедрах. Потом прильнула к ее уху. От кожи сестры исходил чужой запах: смесь антисептика с бальзамирующим составом.

– Прости. Прости меня, – закрыв глаза, прошептала она.

– Кейти? – Эд слегка сжал ее руку, возвращая ее мыслями к процедуре похорон. – Сейчас – ты.

Взяв ее под локоть, он помог ей подняться. Она почти не чувствовала под собой ног, выходя из-за скамьи и точно привидение направляясь к аналою. Сунув салфетку в карман, достала из другого кармана прямоугольную карточку с несколькими подготовленными фразами.

Кейти подняла взгляд. Церковь была заполнена. Сзади люди стояли в три ряда. Она увидела прежних соседей, школьных друзей Миа. Проделав неблизкий путь из Лондона, приехали подруги Кейти. Было много и тех, кого она не знала. Тихонько подрагивая плечами, всхлипывала какая-то девушка в черной шерстяной шапочке. Худой молодой человек в третьем ряду, высморкавшись, спрятал скомканный желтый носовой платок. Она знала, что обстоятельства смерти Миа ни у кого не укладывались в голове, но у нее не было ответов на их вопросы. Да и откуда им взяться, если она и сама не знала, чему верить?

Держась за кафедру, она дважды откашлялась и начала:

– В то время как кончина Миа окрашена серым цветом, ее жизнь представляла собой все цвета радуги. Как сестра Миа была для меня блистательным индиго, неизменно заставляющим всякий раз взглянуть на мир новыми глазами и увидеть его многочисленные оттенки. А еще она сияла насыщенным фиолетом: у нее все исходило от сердца, и это дела-

ло ее страстной, отчаянной и непокорной. Как друг она сверкала интенсивным оранжевым – пылкая и отважная, искательница приключений. Как дочь… Думаю, наша мама… – Она запнулась на последнем слове. Закрыв глаза, попыталась проглотить подкативший к горлу ком.

Открыв глаза, она увидела Эда, который кивал ей, стараясь как-то подбодрить. Сделав глубокий вдох, она вновь начала неоконченное предложение:

– Думаю, наша мама сказала бы, что Миа в ее глазах светилась красным, как сама любовь, поскольку она наполняла ее счастьем и теплом. И еще она переливалась морской зеленью океана, возле которого прошло ее детство, в волнах которого она плескалась и резвилась. Ее смех – такой привычный, легкий и заразительный – искрился желтым, точно солнечный луч, падающий на того, кто смеялся вместе с ней. И теперь, когда Миа не стало, для меня осталась лишь холодная пустая синева, будто небо, где когда-то ее цветами переливалась радуга.

Кейти оставила карточку на аналое, и ноги машинально переместили ее назад, к Эду.

Гроб опустили в землю, и участники похоронной процессии уже расходились по машинам, когда Кейти заметила его.

Финн не был похож на того человека, с которым она прощалась в аэропорту. Его обычно бледная кожа сильно потемнела от загара; выгоревшие на солнце волосы, здорово по-

светлев, приобрели золотистый оттенок, и он словно постарел, утратив мальчишескую припухлость щек. Семье Финна удалось связаться с ним лишь три дня назад. Он сел на первый же рейс до Лондона и прибыл накануне. Он шел в сопровождении двух своих братьев и, когда поднял взгляд, увидел ее. У него были красные глаза и воспаленная кожа возле носа. Он робко направился к ней.

– Кейти… – начал было он, но, увидев выражение ее лица, осекся.

– Ты бросил ее, Финн. – Это прозвучало холодно и безапелляционно, точно глас небес.

Он закрыл глаза и сглотнул. Она увидела его влажные ресницы. Позади кто-то хлопнул дверцей машины и завел мотор.

Стоя спиной к арочному проему церкви, Кейти сунула руки в карманы.

– Предполагалось, что вы путешествуете вместе. Что же произошло?

Для него это был явно болезненный вопрос, и, отвечая, он смотрел мимо нее.

– Мы повздорили. Так не должно было случиться. Миа не захотела остаться в Австралии…

– И она отправилась на Бали, – закончила за него Кейти. – Почему?

Левая нога Финна в нечищеном черном ботинке беспрестанно подергивалась, словно отбивая такт. Кейти знала та-

кую его особенность: в свое время ей казалось, что это от нетерпения, но позже она поняла, что это своего рода нервный тик.

– Мы там познакомились с одними… Они туда собирались.

– Ничего не понимаю. – Кейти почувствовала, что у нее начинают дрожать руки. Сжав в карманах пальцы в кулаки, она чуть вздернула подбородок. – Почему она оказалась на том утесе?

– Не знаю. Мы после Австралии не общались. Она лишь один раз написала мне по электронной почте…

– И тебе не пришло в голову никому сообщить? – Ее голос звучал все громче, и она заметила, как переглядывались стоявшие чуть поодаль братья Финна.

Беспомощно выслушивая град ее вопросов, он развел руки, повернутые ладонями к свинцово-серому небу:

– Я думал, Миа сказала…

– Ты должен был остановить ее! – Подхваченные внезапным порывом ветра волосы закрыли ей лицо. Она откинула их в сторону.

– Она же упрямая, – воскликнул он. – Ты сама прекрасно знаешь.

– Была упрямой. Была. Она мертва! – Последнее слово поразило обоих обжигающим холодом. Его сила подхватила Кейти, и вскипевший гнев подступил ей к горлу ядовитым зельем. – Ты пообещал мне заботиться о ней.

– Да…

– Она полагалась на тебя, Финн. Я полагалась на тебя! – Сделав шаг вперед, она вытянутой рукой ударила его по левой щеке. Очень сильно.

Высоко над ними вскрикнули две чайки.

Все замерли. Финн от неожиданности схватился за лицо. Пальцы Кейти обожгло. Мгновение спустя он попытался что-то сказать, но наружу вырвались лишь рыдания. Ей не доводилось видеть его плачущим, и ее потрясло, как вмиг изменилось его лицо: его черты словно обвисли, стекли вниз вслед за слезами.

Она стояла неподвижно, глядя на него, пока не почувствовала на своем плече руку Эда. Он молча увлек ее в сторону могилы Миа – туда, где были возложены цветы и посвящения. Он не стал говорить о только что произошедшем, просто застегнул свой темный плащ и принялся не спеша собирать посвящения, по очереди читая их вслух.

Кейти не слушала. Она все еще находилась под впечатлением собственноручно оставленного ею на щеке Финна отпечатка, подобного клейму. Никогда прежде она никого не била. Позже Эд скажет ей, что Финн тоже страшно переживал и ей следовало дать ему возможность высказаться… однако имело ли смысл что-то там объяснять? Миа была мертва. И если ни в чем не винить Финна, то винить оставалось только себя.

– Необычно, – заметил Эд. Он держал одинокий цветок,

из кроваво-красной серединки которого, подобно лопастям пропеллера, торчали три выгнутых белых лепестка. Он передал его Кейти, и она легонько потеребила бархатистые лепестки. Цветок походил на орхидею, и она поднесла его к лицу понюхать. Запах тут же перенес ее совсем в иное место – наполненное окутывающим теплом, изобилующее ароматами и светом.

Подняв глаза, она увидела в руках у Эда маленькую карточку, сопровождавшую цветок.

– Что там? – поинтересовалась она, заметив, как изменилось выражение его лица.

Не сказав ни слова, он молча протянул ей карточку.

Кейти взглянула на оборотную сторону, но не увидела никакого имени. Там оказалось лишь единственное слово: «Прости».

После похорон предполагалась выпивка в местном баре, и люди, столпившись возле камина, притоптывали, чтобы разогнать застоявшуюся кровь. Кейти пробыла там не больше часа, постаралась поблагодарить всех приехавших издалека, а потом незаметно выскользнула на улицу.

Когда они с Эдом шли по автостоянке, раздался голос:

– Уже уезжаете?

Они одновременно обернулись. Это оказалась Джесс, ее лучшая подруга – девушка, которая частенько зазывала Кейти на танцы в стриптиз-клуб в одном из злачных уголков

их университетского городка, а теперь занимала престижную должность директора по продажам в фармацевтической компании.

– Прости, нам практически так и не удалось поговорить, но… я…

– Кейти, – перебила Джесс, выбрасывая сигарету, – все в порядке.

– Спасибо, что приехала сегодня. Это о многом говорит. И спасибо за твои сообщения. – После смерти Миа Джесс звонила ей каждый день, оставляя на автоответчике разные теплые слова, соболезнования от их общих знакомых и прочие новости. – Прости, что я не отвечала. Я все собиралась перезвонить, но… вот… все как-то… – Кейти запнулась, запутавшись в объяснениях. Она испытывала благодарность к Джесс, да и ко всем своим друзьям, но была еще не готова говорить о Миа. Слишком рано.

– Я понимаю. Ты потеряла сестру. – Шагнув навстречу, Джесс обняла Кейти. – И не надо никаких извинений – договорились? Всему свое время. А мы всегда здесь, рядом с тобой, если понадобимся.

– Спасибо, – прошептала Кейти, вдыхая остатки задержавшегося в волосах Джесс табачного дыма.

Джесс сжала ее руки, а затем, повернувшись к Эду, шутливо погрозила пальцем:

– Ты там давай-ка заботься о ней как следует – понял?

Улыбнувшись в ответ, Эд обнял Кейти за талию:

– Этим я как раз и собираюсь заняться.

Именно Джесс познакомила его с Кейти на вечеринке, организованной в виде речной прогулки по Темзе. На тот момент Кейти только что рассталась со своим прежним парнем и вовсе не собиралась так поспешно заводить новые отношения. Однако Эд при помощи своей обаятельной наружности, потрясающего остроумия и обезоруживающей улыбки сумел ее разубедить. Как только катер причалил, они улизнули с вечеринки и, уединившись в одном из баров, со смехом проболтали за бутылкой мерло до самого его закрытия. А восемнадцать месяцев спустя Эд, опустившись на колено, подарил ей бриллиантовое колечко и предложил провести всю оставшуюся жизнь вместе. Улыбнувшись, она ответила «да».

Путь до Лондона был долгим, но Кейти не смогла остаться в Корнуолле, где свежий морской воздух и шелест волн нашептывали воспоминания. Оказавшись в квартире, она расстегнула молнию на своем черном платье, и оно с тихим шорохом соскользнуло на пол. Переступив через похожую на темную лужу ткань, она натянула джемпер и спортивные штаны, оставшиеся от Миа, и пошла по коридору. Штанины болтались вокруг ног и волочились по полу. Секунду помедлив, она зашла в комнату Миа.

Возле кровати стоял рюкзак сестры. Его доставили с Бали несколько дней назад, однако желания заглянуть в него у Кейти до сих пор не возникало. На лямках болтались бирки авиакомпаний, а на замочках молний – тонкие кожаные шну-

рочки. Спереди красовался значок с изображением женщины в «хуле»[3], а на боковом кармане толстым маркером была нарисована ромашка. Кейти расстегнула пряжку и, ослабив шнурок, заглянула внутрь.

Сунув руку глубоко в рюкзак, Кейти стала на ощупь, как в лото, вытаскивать из него один за другим разные предметы. Вытянув наружу желтовато-красный пляжный сарафан, она почувствовала исходивший от него аромат жасмина, смешанный с легким, типично курортным запахом крема для загара и морской соли. Расправляя складки, разложила его на кровати и продолжила свое занятие: гавайские шлепанцы со стертыми подошвами, уложенное в сетчатый мешок дорожное полотенце, айпод в прозрачном футляре, пара книг неизвестных Кейти авторов, заляпанный песком тонкий фонарик, мужской джемпер с прорезями в рукавах для больших пальцев – чей он? Финна?

Вновь сунув руку в рюкзак, она наткнулась на что-то жесткое. Кейти сообщили, что полиция обнаружила «путевой журнал», который вела Миа, однако, изучив его, не обнаружила ничего, что могло бы стать уликой.

Миа всегда вела дневники, и Кейти удручало, что сестра предпочитала изливать свои чувства на бумаге, а не в доверительной беседе. Будучи подростком, она испытывала большой соблазн заглянуть в один из них и пару раз даже обыскивала комнату Миа в надежде узнать нечто такое, что могло

---

[3] Юбка из травы.

содержаться лишь в ее дневнике. Однако, несмотря на всю свою неорганизованность, Миа неизменно ухитрялась тщательно их прятать.

Кейти медленно вынула из рюкзака «путевой журнал». Его обложку обтягивала переливчатая ткань цвета морской синевы, сама тетрадь казалась весьма увесистой. Проведя пальцем по корешку, Кейти раскрыла ее с такой осторожностью, будто слова Миа могли разлететься оттуда, как бабочки.

Она стала медленно переворачивать страницы, восхищаясь изящным почерком сестры. В чем-то Миа была небрежной – ее кошелек вечно пух от каких-то чеков и квитанций, а на ее книги было больно смотреть из-за невообразимых каракулей на полях, но ее дневник был исписан красивым каллиграфическим почерком. Сделанные записи сопровождались карандашными зарисовками, пометками, фрагментами географических карт и памятных вещей из тех мест, где она побывала. Каждая страница являлась произведением искусства с собственной историей.

– Все в порядке? – В дверях, прислонившись к косяку, стоял Эд.

Она кивнула.

Он бросил взгляд на рюкзак.

– Разбираешь ее вещи?

– Наткнулась на ее дневник.

На его лице появилось удивление; он выпрямился.

– Не думал, что она вела записи. – Эд сунул руки в карманы. – Собираешься прочесть?

– Пожалуй, да. Я многого не знаю о ее поездке. «Да и о ней самой», – добавила про себя Кейти.

Пока Миа была в отъезде, они почти не разговаривали. Она задумалась о том, когда между ними возникла эта пропасть. Ведь когда-то они были близки, но это осталось в прошлом. Она вздохнула.

– Почему она уехала, Эд?

– Путешествовать?

– Да. Она ведь забронировала билеты так внезапно. Что-то должно было ее к этому подтолкнуть.

– Она просто была импульсивной. Молодость. Стало скучно. Вот и все.

– Мне не следовало ее отпускать.

– Кейти, – мягко сказал он, – у тебя был тяжелый день. Может, тебе не стоит сейчас читать ее дневник? По крайней мере, до утра. Я, кстати, собирался приготовить нам что-нибудь перекусить. Пойдем на кухню. Составишь мне компанию?

– Чуть погодя.

Когда дверь закрылась, Кейти, полистав страницы, выбрала наугад одну из записей. Однако, как только она принялась читать, взгляд стал перепрыгивать с одной фразы на другую – «пепельная пустыня», «Финн и я», «темно-фиолетовое небо», «лунный пейзаж», – будто слова были слишком горя-

чими для ее восприятия, чтобы на них задерживаться. Изо всех сил зажмурившись, она вновь резко открыла глаза и постаралась сосредоточиться на каком-то одном предложении. Но все оказалось безнадежно: взгляд продолжал блуждать по отдельным словам, но мозг отказывался их осмысливать.

Раздосадованная, Кейти стала листать дальше. Она увидела запись со схематичной птичкой, взлетавшей из нижней части страницы. На другой странице написанные почерком Миа слова кружили по невидимой спирали, будто их засасывало вниз. Она почувствовала, как забилось сердце, когда поняла, что приближается к концу дневника: скользя кончиками пальцев по краям страниц, она вот-вот дойдет до последней сделанной Миа записи.

В последний момент Кейти помедлила. Она уже чувствовала, что там окажется то, о чем ей лучше бы не знать, но, подобно прохожему, которого влечет посмотреть на автоаварию, устоять не смогла.

Открыв страницу, она увидела, что заполненной оказалась лишь одна из сторон разворота. Соседний лист отсутствовал: его кто-то выдрал, оставив обрывки у самого корешка дневника. Кейти перевела взгляд на оставшуюся страницу с причудливым карандашным рисунком женского лица в профиль. Внутри его контуров было нарисовано еще множество мелких картинок: зловещая темная волна, разинутый в крике рот, падающие звезды, палач с прочерками в подписях вместо букв; провод с болтающейся на нем телефонной

трубкой.

Кейти захлопнула дневник и встала.

Не стоило смотреть: слишком преждевременно. Но теперь в ее сознании всплывали новые вопросы. Что означали эти иллюстрации? Почему выдрана страница? Что на ней было? Она хотела отбросить журнал к рюкзаку, словно, возвращая его на место, могла остановить бесчисленный поток возникающих сомнений, но от неверного движения тетрадь выскользнула у нее из пальцев на пол, и из ее страниц что-то выпало.

Нагнувшись, Кейти увидела, что это был корешок первого посадочного талона Миа: «Лондон, Хитроу, – Сан-Франциско». Она провела пальцами по белой глянцевой бумажке, представляя, как Миа, полная радостных ожиданий, прилетает в Сан-Франциско. Кейти попыталась представить себе места, куда она ездила, людей, с которыми она могла познакомиться, и чувства, которые она могла испытать. Однако путешествие Миа оказалось для Кейти тайной, которую она в течение шести месяцев безрезультатно пыталась постичь. И ключ к разгадке этих шести месяцев содержался в дневнике.

Держа в руке авиабилет Миа, она почувствовала, что у нее зарождается идея.

Той ночью Кейти едва ли удалось поспать, поскольку зародившаяся идея превращалась в цель. Встав рано утром,

она направилась на Патни-Хай-стрит в поисках бюро путешествий. Она выложила маршрут Миа на стол перед дамой с потрескавшимися губами, накрашенными кораллово-розовой помадой.

– Хотела бы забронировать такую же поездку.

Это можно было сделать и через Интернет, однако она сочла вопрос слишком важным, чтобы решать его нажатием кнопки. Возможно, она втайне рассчитывала столкнуться с неким препятствием в лице турагента, который скажет, что ее идея глупая и необдуманная. Однако дама, глотнув из кружки горячего кофе, лишь поинтересовалась:

– Когда бы вы хотели поехать?

И вот пять дней спустя она сидела на деревянном полу своей спальни, пытаясь собрать вещи. Вокруг было разбросано содержимое рюкзака Миа, ее же собственная одежда в полусобранных стопках ждала своей очереди в лиловом чемодане. Сборы у Кейти обычно проходили решительно и методично, но сейчас она понятия не имела, что брать с собой в подобное путешествие. Всего через несколько часов она должна будет вылетать в Сан-Франциско – точно так же, как Миа шесть месяцев назад.

Дверь спальни раскрылась, и вошел Эд с двумя чашками чая. Передав ей одну, он присел рядом. Штанины его брюк, натянувшись на коленях, задрались над носками, приоткрыв голые ноги.

Она пригубила чай. Эд приготовил его именно так, как

ей нравилось: не слишком крепкий, с большим количеством молока и половиной чайной ложки сахара.

Он скептически окинул вещи взглядом.

– Еще есть время передумать. Ты же знаешь, на работе тебя возьмут назад.

Она уволилась со своей должности старшего консультанта по набору персонала на обратном пути из турагентства. Честно проработав в одной и той же компании с момента окончания университета, она ушла из нее, сделав лишь один короткий телефонный звонок:

– Я не могу вернуться.

Мысль о том, что она вернется в офис, вновь сядет за свой стол в углу под «воздушкой» кондиционера, из-за которого у нее часто воспалялись глаза, и сделает вид, что подбор кандидатов играет для нее важную роль, выглядела крайне нелепой.

– Почему бы не подождать пару недель? Я почти уверен, что смогу договориться насчет отпуска. Поехали бы вместе… Ну, не повсюду… но на Бали. И ты бы увидела, где…

– Я должна пройти все с самого начала. – Психологический механизм Кейти был четко структурирован. После смерти матери она принудительно заполняла свой дневной распорядок общественно-полезной деятельностью, посвящая этому каждый свободный момент, который могла бы провести, утопая в жалости к себе. С удвоенным рвением она накинулась и на свои служебные обязанности, круглосуточ-

но концентрируясь на их выполнении с таким энтузиазмом, что уже через три месяца получила повышение.

Однако утрата Миа стала чем-то иным. Ни работа, ни общение не помогали ей справиться с горем, казавшимся нескончаемым и всеобъемлющим. Найденный дневник сестры показался ей крохотным проблеском в глухой ночи, и она решила воспроизвести все, следуя от записи к записи, из страны в страну, в надежде, что, следуя по стопам Миа, сможет понять причину ее смерти. Впервые с момента появления на пороге ее дома полицейских Кейти ощущала определенную целеустремленность.

– Да, все это мы уже обсуждали, – снова начал Эд, – но я все же пытаюсь понять твою логику.

– Ты ведь знаешь, как непросто складывались у нас с Миа отношения перед ее отъездом, – сказала она, отставляя свою чашку с чаем. – А я отпустила ее… и даже испытала некоторое облегчение.

– Ты не виновата в смерти Миа.

Неужели? Она видела, что у Миа не все хорошо, когда они жили вместе, и тем не менее пустила все на самотек. Миа была ее сестрой, и на Кейти лежала ответственность. С которой она не справилась.

– Все, что у меня есть, это ее дневник. Он является своего рода связующим звеном с теми шестью месяцами ее жизни, о которых мне ничего неизвестно.

– Так прочти его. Я же говорил тебе, что готов разобраться

в этом вместе с тобой.

Она видела, что Эд листал дневник на следующее утро после того, как она его нашла: проверял, нет ли там чего-нибудь такого, что могло ее расстроить. Она понимала, что это проявление заботы, но только ей не хотелось его защиты – ей хотелось поддержки. После этого Кейти стала всегда держать тетрадь при себе.

– Но как только я закончу его читать, – пыталась объяснить она, – никакой другой памяти о Миа не будет. Все будет кончено: ее не станет. – Она представила, как перелистывает страницы вновь и вновь и они становятся однообразными и бессмысленными, точно стопка старых выцветших от времени фотографий. И Кейти решила, что, прочитав записи в странах, где их сделала Миа, и испытав кое-что из того, что довелось испытать сестре, она сможет обрести ощущение, будто была рядом – все те шесть утраченных месяцев. – Я должна это сделать, Эд.

Поднявшись, он подошел к окну спальни и распахнул его. До Кейти донеслись тяжелые басы внизу на полную мощность автомагнитолы. Расставив руки, он оперся о низкий подоконник и какое-то время просто смотрел на улицу.

– Эд?

– Я люблю тебя, – медленно произнес он, – но считаю, ты совершаешь ошибку. А как же все остальное? А наша свадьба?

Они собирались пожениться в августе. Зарезервировав

уединенный сельский домик в Суррее, планировали провести там уик-энд с родными и близкими друзьями. Вечерами Кейти занималась тем, что подыскивала музыкальную группу, которая играла бы до самой поздней ночи, раздумывала, что лучше на десерт – чизкейк или профитроли, и подбирала винтажные рамки для фотографий, которые предполагала расставить на столике со свадебным тортом. Все эти недавние радостные волнения и переживания сейчас словно остались в какой-то другой жизни – чужой.

– Я же ненадолго. Всего на каких-то несколько месяцев.

– Я понимаю, что тебе сейчас очень нелегко, – сказал он, убирая в сторону фонарик, чтобы присесть. – Мне искренне хочется сделать что-то такое, чтобы помочь тебе. И могу сказать тебе лишь, что верю… тебе точно станет лучше, если ты начнешь смотреть вперед, а не в прошлое.

Она кивнула. В этом было разумное зерно.

Он жестом показал на место возле себя, и она подошла и села рядом. От него исходил запах пены для бритья в смеси со свежим ароматом лосьона. В костюме он выглядел элегантно; на нем был подаренный ею серый галстук – ей нравилось представлять, как, поглаживая его рукой на совещаниях, он мысленно переносится из официальной обстановки к ней.

– Ответ не там, – сказал он, глядя на дневник Миа, который она все еще держала в руках. – Послушай, ты же ненавидишь самолеты! – Она расслышала в его голосе шутливые

нотки. – Ты же никогда не была за пределами Европы. К тому же странствовать вот так, лишь с рюкзаком за плечами, просто опасно. – Положив руку ей на бедро, он нежно погладил ее по ноге. – Давай разберемся с этим вместе. Здесь.

Эда всегда отличал практичный подход к оценке ситуаций – эта была лишь одна из его черт, которыми она восхищалась. Может, это и вправду было ошибкой. Лететь на другой конец света, не давая никаких ориентиров относительно своего возвращения, было по отношению к Эду несправедливо, и она это прекрасно понимала.

– Я уже не знаю, что было бы правильным решением.

– Кейти, – тихо сказал он, – тебе в конце концов придется отпустить ее.

Она провела пальцами по обложке тетради цвета морской синевы, представляя, как Миа всякий раз там что-то записывала. Она увидела ее, лениво лежащую в гамаке, с вытянутыми загорелыми ногами, легко скользящую ручкой по кремовым страницам. В дневнике содержались самые сокровенные моменты ее раздумий, и Кейти не выпускала его из рук.

– Не могу, – отозвалась она. – Пока не узнаю, что произошло.

Эд вздохнул.

Она не знала, был ли у него уже свой ответ на этот вопрос. С тех пор как он познакомился с Миа, он успел увидеть ее в худшие моменты – запальчивой, своевольной, непредсказуемой. Но он так и не узнал настоящую Миа – ту, которая

как рыбка плавала в море, которая, скинув туфли, пускалась танцевать, которая обожала ловить в ладони падающие градины.

– Это не было самоубийством, – твердо сказала Кейти.

– Возможно, и нет.

Вот то-то и оно. Возможно.

Она встала, подняла пустой рюкзак Миа и принялась сосредоточенно собирать в него вынутые прежде вещи. Из своего чемодана она взяла стопку одежды, косметичку и паспорт и, втиснув все это в рюкзак, застегнула его. Затем она затолкала чемодан в гардероб и с удовлетворением захлопнула дверцу: какой прок от чемодана там, куда она отправлялась?

Эд поднялся.

– Значит, ты все-таки решила.

– Да.

Она видела, что ему больно и что он хочет еще что-то сказать. Есть тысяча причин, по которым ей не следовало ехать: она никогда до этого не ездила одна, она портит себе карьеру, она пребывает в тяжелом душевном состоянии, и ей не следует находиться в одиночестве. Все эти моменты они уже успели обсудить. Эд приводил ей прагматичные аргументы, которые она бы, в свою очередь, привела любому другому. Но сейчас все было иначе. Речь шла не о целесообразности, степени риска или поиске оптимальных решений. Речь шла о ее сестре.

4
Миа

(Калифорния, октябрь прошлого года)

Ноги Миа лежали на приборной панели старенького, видавшего виды «шеви»[4], взятого ими напрокат. Она прижимала босые пальцы к лобовому стеклу, а затем, убрав, наблюдала, как медленно исчезал конденсат. Сидящий рядом Финн барабанил пальцами по рулю в такт звучавшему по радио блюзу.

Они двигались на юг по знаменитому шоссе номер один, оставляя позади Сан-Франциско. Очарованные его притягательным обаянием, они задержались там намного дольше намеченного. Остановившись по приезде в дешевом мотеле, они сбросили рюкзаки и направились поужинать в популярный тайский ресторанчик, где готовили невероятно вкусные креветки со сладким чили. Хозяин посоветовал им клуб, находившийся в подвале в паре кварталов от его ресторана, и, несмотря на усталость, вызванную сменой часовых поясов, они там здорово повеселились, поглощая напитки и натанцевавшись до боли в ногах. Проснувшись спустя несколько

[4] «Шевроле».

часов, они увидели, что над городом забрезжил рассвет, и отправились в утреннюю кофейню купить бейглов[5] с корицей и ароматного кофе, а потом, сидя на берегу залива, наблюдали, как над Алькатрасом поднималось бледно-розовое солнце.

Низкий туман неотступно преследовал их по побережью и мокрым плащом лип к океану, скрывая от них линию горизонта. Опустив стекло, Миа высунула голову и, щурясь, посмотрела на небо.

– Солнце восходит.

– Остановлюсь на ближайшей придорожной стоянке.

Через несколько миль появился «карман» с засыпанной гравием смотровой площадкой на вершине горы. Солнце уже настолько прогрело туман, что можно было видеть рельефное, поросшее зеленью побережье. Усыпанные полевыми цветами скалы, которые, как ей казалось, должны быть невероятно красивы весной, спускались к дикому пляжу на берегу залива, бурлящего белой вспененной водой.

Миа вышла из машины босиком и, сцепив пальцы над головой, потянулась, напрягая мышцы живота. Закрыв глаза, вдохнула пропитанный солью воздух.

Финн, скрестив руки на груди, прислонился к машине.

– Только посмотри, какое местечко.

– Может, спустимся?

– Конечно.

---

[5] Выпечка круглой формы, часто с начинкой.

Они отыскали узенькую тропку, которая шла по впечатляющему склону, петляя, чтобы сбавить крутизну на самых опасных участках. Добравшись первой, Миа устремилась к океану и зашлепала ногами по воде.

– Привет, Тихий! – крикнула она. Затем обернулась к Финну: – Купаться?

– Здесь? Не слишком смелая идея?

– Тогда карауль мою одежду, – сказала она, стягивая майку с шортами и оставаясь в совсем не сочетавшемся по цвету нижнем белье. Ее тело было худощавым и мускулистым. Она считала себя некрасивой – чересчур угловатой, но успела свыкнуться со своими выпирающими костями таза и маленькой грудью и совсем не стеснялась Финна. Они не раз видели друг друга нагими, и ей были хорошо знакомы его широкие плечи, немного торчащий пупок и разросшиеся на груди жесткие волосы.

– Отличный лондонский загар, – заметила она, когда он, сняв футболку, продемонстрировал свой белокожий торс.

– Загар лентяя-курортника.

Она рассмеялась, и Финн бросился за ней, с брызгами перепрыгивая через маленькие волны, пока не почувствовал, как ноги сносит течением. Он наклонился вперед, распластавшись и раскинув руки, и упал на поверхность воды со шлепком, который сопровождался взметнувшимися ввысь серебристыми брызгами.

С несмолкающим смехом Миа старалась не отстать. Хо-

лодная вода тисками сжала лодыжки, поднялась до колен и ужалила оставленную бритвой царапинку. В небе крикнула чайка, и она, вскинув голову, посмотрела, как та парит на ветру. Вода, неожиданно отступив, сразу же поднялась, намочив ей трусики, до самого живота, и она тут же втянула его, словно спасаясь от морских объятий. Потом, сделав короткий вдох, нырнула.

Когда она вынырнула, ее темные волосы облепили голову, словно нефть. Взмахнув ногами, она поплыла четкими уверенными бросками.

– Далеко не заплывай, – крикнул Финн. – Я тебе не спасатель Малибу.

Волны то подхватывали, то опускали ее. Одна, застав врасплох, накрыла ее с головой словно одеяло. Миа протерла глаза и поплыла кролем, ощущая напряженную работу трудившихся мышц. На каждый второй взмах она вместе с поворотом головы делала вдох, чувствуя на лице скупые лучи бледного солнца.

Какое-то время спустя, когда от холода и напряжения начало сводить ноги, она сбавила темп и поплыла вдоль берега, глядя на скалы с нового ракурса. Побережье выглядело потрясающе – пустынным, суровым и неприступным. Картина пьянящего простора разительно отличалась от Лондона, где, как ей казалось, она постоянно задыхалась. Вдали от города и от воспоминаний о том, в кого она превратилась, Миа впервые за долгое время ощутила настоящее облегчение.

Вечером они сидели на скамейке для пикников, держа в руках металлические кружки с горячим шоколадом. До нее доносился шум волн – мягкий рокот, напоминающий проезжающий вдалеке грузовик. Она вытащила из заднего кармана плоскую серебряную флягу и отвинтила пробку:

– Виски?

Финн подставил свою кружку.

– Ужин получился на славу.

В юности им частенько доводилось выбираться на природу, и они научились готовить блюда в единственном котелке, как кудесники. Этим вечером быть поваром вызвалась Миа, решившая приготовить лапшу со щедрой нарезкой салями вперемешку с горохом, кусочками грибов, помидорами черри и смесью приправ.

– Просто на природе всегда вкуснее, – ответила она, плеснув в обе кружки виски. – Давненько мы с тобой не жили походной жизнью.

– Лондонские парки к этому не располагают.

– Что верно, то верно. – Она улыбнулась. – А если серьезно – тебе в Лондоне нравится? – Переехав туда после выпуска, Финн снимал квартиру над лавкой мясника. С одной стороны проходила железнодорожная ветка, и струя воды из крана начинала подрагивать всякий раз, когда шел поезд.

– Да. Особенно после Корнуолла.

– А чего тебе там не хватало – мало было местных танцу-

лек по пятницам?

– Мало. Мне нравится, когда пятидесятилетние женщины носят леопардовые наряды и лайкру. – Он усмехнулся. – А тебе, судя по всему, Лондон пришелся не по вкусу?

– Пожалуй, нет. – Она сильно тосковала по морю, и ей то и дело снился морской берег с далеким горизонтом.

– Поэтому тебя и потянуло путешествовать?

Натянув рукава джемпера на ладони, она двумя руками обхватила кружку, чтобы сохранить тепло.

– Я созрела для перемен.

– Год выдался тяжелый. И отдых ты заслужила.

«Неужели?» – мысленно усомнилась она. Ведь это Кейти, а не она, стоически ухаживала за мамой на протяжении всей ее болезни. Миа старалась не смотреть на пузырьки с лекарствами, на пряди выпавших волос в душевой, на все более впалые мамины щеки, поскольку так было проще: все что угодно – лишь бы не видеть, как угасает ее некогда деятельная и энергичная мать. И вновь напомнило о себе чувство вины, поселившееся в ней в виде маленького назойливого камешка. Достав флягу, Миа припала губами к ее холодному металлическому горлышку.

Финн обнял ее за плечи:

– Все хорошо?

Она кивнула.

– Послушай, Миа. – Его голос прозвучал неожиданно серьезно, и она подняла взгляд. – Когда твоя мама болела, мы

по определенным причинам несколько отдалились друг от друга, но ты ведь знала, что, если нужно, я всегда рядом, правда?

– Конечно, – ответила она, смущенная его серьезностью.

Они еще ни разу не затрагивали эту тему – четыре странных месяца натянутых отношений, когда между ними вдруг выросла стена отчуждения, прочно зацементированная молчанием Миа, и она сомневалась в своей готовности обсуждать ее сейчас.

Почувствовав это, Финн убрал руку с ее плеча.

– Расскажи-ка мне про Мика. С чего это ты решила, что хочешь с ним повидаться?

– Наткнулась на его фотографию, когда разбирала мамины вещи. Он стоял там на сцене с группой музыкантов на фоне плаката с названием «Блэк ю»[6].

Похоже, группа только что закончила выступление: разгоряченные лица пылали и блестели от пота. Мужчина в центре, с длинными черными, влажными на висках волосами, схватив гитару за гриф, смотрел прямо в объектив. Стоявший рядом Мик, одетый в облегающий костюм и коричневые туфли с острыми, загнутыми вверх носами, казался бодрым и воодушевленным. В отличие от других музыкантов, он не держал никакого инструмента – выставив руки вперед в виде направленных на камеру пистолетов, он чуть склонил голову набок и прищурил глаз. Миа ни за что бы не приняла такую

---

[6] «Black Ewe» *(англ.)*.

позу: она казалась ей слишком фальшивой, наигранной и самоуверенной. И тем не менее фотография ей понравилась, поскольку между собой и отцом она разглядела определенное сходство в волевых очертаниях носа, а также, возможно, и в форме губ.

– Увидела фотографию и разобрало любопытство? А до этого любопытство не разбирало?

– Пожалуй, нет. Ну, может, совсем чуть-чуть, – согласилась она.

В памяти всплыли сказанные бабушкой много лет назад слова, которые запомнились ей на всю жизнь. Миа сидела в ванне, и вода от прилипшей к ногам грязи становилась все более мутной. Она так дергалась и извивалась, не давая вымыть себе голову, что бабушка в сердцах крикнула: «Какая же ты непутевая и своенравная!» И тихо добавила: «Ну прямо как твой отец». Озвученное нежелательное сравнение словно зависло в окутанной паром ванной и надолго осело у Миа в голове.

Финн поднес кружку к губам и допил свой напиток.

– А что ж ты не поговорила с Кейти насчет своего намерения повидаться с ним?

Миа на минуту задумалась:

– Бывает так, что, когда кто-то высказывает тебе свое мнение, ты вдруг потом принимаешь его за свое собственное. Мне хотелось этого избежать.

На территорию кемпинга въехала очередная машина. На

них коротко упал свет ее фар, затем двигатель стих. Выбравшаяся из машины пара принялась при свете фонарика устанавливать себе палатку.

В тех немногочисленных фразах, которые только что прозвучали, содержалось практически все, чем Миа могла поделиться с кем бы то ни было, включая саму себя. На данный момент этого для нее было более чем предостаточно. Она протянула руку за кружкой Финна.

– Пойду помою посуду. – Резко встав со скамейки, она направилась к крану с водой.

Позже она почистила зубы и, сплюнув остатки пасты в кусты, забралась к Финну в палатку. Сзади падала тень от поросшей кустарником горы, спереди веяло соленым морским воздухом. Они лежали, подложив под голову свернутое пляжное полотенце, высунувшись наружу, чтобы видеть звезды. Вот так, в палатках или друг у дружки в комнатах, лежа на узких кроватях, как сардины, они провели бесчисленное множество ночей. Их дружба – крепкая и бесхитростная – представлялась неким ниспосланным свыше даром, за который Миа испытывала неизменную благодарность.

– Падающая звезда, – воскликнула она, показывая рукой.

– Не видел.

– Как же можно увидеть с закрытыми глазами? Спи уж.

Убрав головы внутрь, они застегнули палатку и привычно прижались друг к другу, как это тысячу раз бывало в прошлом.

Земля казалась ужасно жесткой, и Финн повернулся на бок, чтобы избавиться от какого-то камешка, который упирался ему в лопатку.

Миа уже спала. Он лежал, слушая ее легкое сопение в сочетании со стрекотом сверчков в траве под палаткой. Финн любил походную жизнь за ее замедленное течение. Приготовление простой пищи занимало больше времени, душ и смена одежды из рутины превращались в роскошь. Требовалось время, чтобы привыкнуть к новым звукам, запахам и жизненному ритму на новом месте, задуматься о собственных мыслях.

Миа заворочалась; убрав руку со своего живота, она положила ее ему на локоть. Он ощущал тепло ее кожи. Он мог убрать из-под нее свою руку, но не спешил. Его мысли перенеслись к одному летнему вечеру, когда им с Миа было всего по шестнадцать.

Они оказались на концерте американской панк-группы под названием «То»[7], на которую уже давно мечтали сходить. Миа была в светлых, разодранных на бедрах джинсах, которые купила в комиссионке «Хобоуз». С подведенными серебряной тушью глазами и нанесенным на скулы мерцающим блеском она выглядела намного взрослее той девчушки, которой он еще утром помогал ловить на спиннинг. Такое превращение хоть и восхитило его, но вместе с тем вы-

---

[7] «Thaw» *(англ.)*.

зывало беспокойство.

Выступление полностью оправдало их ожидания: концертная площадка пульсировала энергией, толпа возле сцены буквально неистовствовала, и с каждой песней ее рев становился все громче. Танцуя со вздернутыми вверх руками, Миа прямо-таки искрилась весельем. Обернувшись, она крикнула что-то топтавшемуся позади здоровенному детине с бычьей шеей. Тот подставил сцепленные ладони, и, прежде чем Финн успел сообразить, что происходит, он увидел, как Миа поставила ногу на подставленные руки и взлетела в воздух. Прогнувшись и раскинув руки в стороны точно крылья, она приземлилась в море выставленных ей навстречу и готовых поймать рук и будто поплыла над людскими головами.

Ее черная футболка «Бисти бойз»[8], которую они с Финном могли себе позволить лишь одну на двоих, задралась на талии, обнажив ее упругий животик. Команда осветителей успела выхватить из темноты такую «неземную» красотку лучом света и стала сопровождать ее поступательное движение. Кучка разгоряченных вспотевших парней, танцевавших с воинственно выброшенными вверх кулаками, засвистела и заулюлюкала, отпуская сальные остроты в ее адрес. Слыша их выкрики, Финн напрягся всем телом, представляя, как, пробившись сквозь толпу, заставляет их заткнуться.

Публика продолжала самовыражаться в танце в сверкающих бело-голубых лазерных лучах, а он напряженно вгляды-

---

[8] «Beastie Boys» *(англ.)*; название музыкальной группы.

вался, пытаясь не упустить Миа из виду. Посторонившись перед каким-то долговязым парнем, он увидел, как охранники перетаскивают ее через заграждение. Он не представлял, как она сможет пробраться назад и отыскать его, и, прежде чем он вновь увидел ее, музыканты успели отыграть еще четыре номера.

Протиснувшись сквозь невероятно плотную толпу, подружка предстала перед ним с пылающими щеками и блестящим от испарины лбом.

– Миа!

Ансамбль начал свою заключительную композицию, и публика, рванув вперед, прижала ее к нему. В страхе, что она может оказаться под ногами у толпы, он инстинктивно обхватил ее за талию и, слившись с ней воедино, почувствовал сквозь влажную футболку исходящий от ее тела жар. Словно не замечая беснующейся в угаре толпы, Миа притянула лицо Финна к себе и чмокнула его в губы.

Потом толпа качнулась назад, и Миа выскользнула из его объятий. Развернувшись в сторону игравших музыкантов, она продолжила двигаться в такт музыке. Финн же стоял на месте, будто остолбенев, в то время как все вокруг продолжали танцевать.

В жизни каждого бывают некие ключевые моменты – своего рода поворотные пункты, которые меняют ход событий, и кажущиеся незначительными вещи способны полностью изменить судьбу. Таким стал для Финна этот поцелуй. Миа –

девчонка, с которой он виделся изо дня в день, – вдруг стала для него загадкой. При любом общении с ней в школе на следующий день – когда он, держа пробирку, помогал ей воспользоваться магниевой лентой, когда они, сидя на лавке под платаном, ели сандвичи с ветчиной, когда по дороге домой в школьном автобусе слушали в единственных на двоих наушниках музыку – впервые испытанное вожделение напоминало о себе. Словно он, выпрыгнув из собственного тела, вошел в чье-то другое. Он был настолько обескуражен этой переменой, что решил прогулять последние два дня занятий, чтобы собраться с мыслями.

Едва начались летние школьные каникулы, Миа подкатила к его дому на велосипеде с палаткой, спальным мешком и бутылкой водки, на покупку которой она не без труда уговорила Кейти, и заявила, что они едут в поход в лес у подножия гор. Поскольку никакой вразумительной причины для отказа ему в голову не пришло, он, прихватив свой спальный мешок, последовал за ней.

Неожиданно разразившийся вечером ливень загнал их в палатку еще до сумерек. И пока они, попивая водку, играли в карты, Финн украдкой поглядывал на Миа и не переставал удивляться, как он до сих пор мог не замечать роскошную изумрудную зелень ее глаз. Как только дождь прекратился, они выбрались из палатки в темный, благоухающий земной свежестью лес. Они стояли среди мокрого вереска в промокших до колен джинсах. Они были пьяны, и их переполнял

восторг. Той ночью луна в виде идеального серебряного диска выглядела настолько впечатляюще, что Финн ни с того ни с сего вдруг завыл, как волк. Миа, рассмеявшись, решила ему подвыть.

Все эти семьдесят два часа, с тех пор как Миа поцеловала Финна, он беспрестанно думал, каково будет поцеловать ее в ответ. По-настоящему.

– Миа, – начал он, неуверенно приблизившись к ней.

Она смотрела на него все с той же улыбкой. На ее лице не было макияжа, и при лунном свете ее кожа казалась сияющей.

– Боже, ты такая красивая! – невольно сказал он. Затем, дотронувшись рукой до ее щеки, подался вперед в стремлении поцеловать ее.

За мгновение до того, как их губы должны были соприкоснуться, Миа отпрянула.

– Финн! – Она рассмеялась и толкнула его в грудь. – Да что это на тебя нашло! Не пугай меня!

Согнувшись, Финн притворился, будто ему тоже смешно, хотя ощущение было такое, словно он только что получил под дых.

После этого они три недели не виделись, поскольку он с родителями уехал отдыхать на север Франции. Во время этой поездки Финн лишился девственности с семнадцатилетней девицей по имени Амбре, которая работала уборщицей в парке, где они расположились. Под рабочей одеждой

она носила розовый лифчик и не надевала трусики. Во время перерыва в три часа дня она ежедневно приглашала Финна к себе в трейлер. И хотя эти встречи были ему приятны, они постепенно выявляли глубину его чувств к Миа. Он не просто мечтал прикоснуться к ней или поцеловать ее так, как он целовал Амбре, он скучал по ней. Ему, например, не хватало ее смеха. Он вспоминал, как она, на чем-то сосредоточившись, покусывает ноготь большого пальца, вспоминал непреклонность в ее голосе, когда она говорила ему: «Это я смогу». Он скучал по ее дружбе и не хотел вновь рисковать ею.

Когда он вернулся домой, их с Миа дружба продолжилась в своем обычном ключе, и та ночь в лесу никогда в их беседах не вспоминалась. Девичье, а позже женское многообразие охладило эту страсть, и Финн был благодарен Миа за то, что их отношения вернулись в свое прежнее русло. Однако когда сегодня на пляже Миа, раздевшись до белья, обнажила свое изящное гибкое тело, желание тихим звучанием напомнило о себе и вот уже несколько часов не покидало его.

Сознавая весь риск перерастания этого «тихого звучания» в более громкое, Финн осторожно высвободил свой локоть из-под ее руки и нехотя отодвинулся.

5
Кейти

(Калифорния, март)

Кейти опустила бежевую пластиковую шторку иллюминатора, чтобы не смотреть. Ей вовсе не надо было видеть, что они летят над облаками, что они в тридцати тысячах футов над океаном и не падают на землю лишь благодаря белым крыльям «Боинга-747».

Когда Кейти впервые довелось оказаться в самолете, она с такой силой вцепилась в подлокотники, что у нее побелели костяшки пальцев. Миа сидела рядом с вытаращенными глазами, ее зрачки были расширены, – как сначала подумалось Кейти, от страха. Однако, увидев затем появившуюся на лице сестры широченную улыбку, она поняла, что это был восторг. Чего Кейти не могла понять, так это причин такого восхищения, в то время как у нее самой внутри царила паника. Страх этот не являлся результатом влияния кого-то из нервных взрослых или неких страшилок, рассказанных друзьями или по телевизору, – он жил где-то внутри нее. Ей тогда было всего девять. И авиаперелеты должны были бы восприниматься как приключение.

После того полета Кейти летала еще дважды. И каждый раз ее страх словно оживал и принимался шипеть на нее задолго до предполагаемого путешествия. Она пришла к выводу, что заглушить это шипение можно лишь избегая его. Когда в университете планировался лыжный поход, она присоединялась лишь в том случае, если группа ехала автобусом. Когда у мамы неожиданно появились лишние деньги и она предложила девочкам куда-нибудь съездить, Кейти заявила, что ей больше всего хотелось бы отправиться в морской круиз. Когда Эд захотел побывать в Барселоне, она убедила его добраться до Парижа по тоннелю под Ла-Маншем.

Сейчас, когда она теребила рукав своего кардигана, то закручивая его, то раскручивая, ее страх был вызван не тем, что у самолета может отказать двигатель или что пилот недостаточно опытен. У нее перехватывало в горле и сердце колотилось в груди из-за замкнутого пространства, маленького кресла с вмонтированными подлокотниками, двух соседних пассажиров – спавшего и читающего, – преграждавших ей путь к проходу, ремня безопасности, удерживавшего ее за бедра, и одиннадцатичасового перелета, который невозможно прервать. Так и будет она час за часом тихо пребывать в этой ловушке, совершенно неподвижно и ни на что не отвлекаясь, впервые с тех самых пор, как ей сообщили трагическое известие. Воспользовавшись моментом, ее мысли сфокусировались на том единственном слове, с которым она никак не хотела смириться: «самоубийство».

Самоубийство в ее представлении ассоциировалось с душевнобольными или с теми, кто страдал тяжелым, неизлечимым недугом, но никак не со здоровым, здравомыслящим двадцатичетырехлетним человеком, отправившимся в путешествие по белу свету вместе со своим лучшим другом. Это выглядело нелогично. Однако же случилось. И это подтверждали свидетельские показания, протокол результатов вскрытия и заключение полиции.

Она принялась судорожно искать слово «самоубийство» в Интернете и с ужасом обнаружила, что среди причин смертности оно являлось десятой по распространенности – более частой, чем убийства, заболевания печени и болезнь Паркинсона. Еще она прочла, что один миллион людей ежегодно кончают жизнь самоубийством, а также о том, что один из семи человек в тот или иной момент своей жизни серьезно задумывался над тем, чтобы свести счеты с жизнью. Узнала она, что и наркотики, и алкоголь в семидесяти процентах случаев являются причиной самоубийств, совершаемых подростками.

Однако ни Интернет, ни свидетели, ни полиция Бали не знали ее сестры. Миа ни за что бы не спрыгнула вниз. Да, порой она бывала непредсказуемой, периоды ее отчаянной бесшабашности могли чередоваться с вызывающим тревогу унынием, и временами казалось, что она принимает все настолько близко к сердцу оттого, что оно находится у нее слишком близко к коже. Однако наряду с этим она была

невероятно отважной – настоящий боец. А бойцам не свойственно прыгать.

Кейти верила в это всем сердцем. Она просто обязана была верить, так как в противном случае ей бы пришлось мириться с жутким сознанием того, что сестра захотела ее оставить.

Международный аэропорт Сан-Франциско выглядел настоящим городом. Растворившись в толпе, Кейти поплыла по течению вверх по увешанным рекламой эскалаторам и вниз по ярко освещенным лестницам, пока наконец не оказалась в зоне получения багажа. Выбрав местечко возле карусели-транспортера номер три, она отошла на несколько шагов назад, чтобы дать возможность другим подойти к ленте и, вновь обретя свои вещи, продолжить путь.

В ожидании рюкзака Миа, который должен был выплыть сквозь тяжелые пластины конвейера, она придумала себе игру-угадайку, пытаясь вычислить багаж по виду его потенциальных владельцев. С первой парой все оказалось просто: большую черную хоккейную сумку она безошибочно приписала широкоплечему подростку с выбритой на затылке молнией, а чемоданчики с божьими коровками, разумеется, принадлежали двум близняшкам в одинаковых синих плащах. С некоторым удивлением она увидела, что джентльмен в мятой шляпе-панаме тянется за поблескивавшим, точно пуля, тонким серебристым чемоданчиком вместо коричневатого ко-

жаного саквояжа, который Кейти соотнесла с ним. И уж совсем странным оказалось то, что элегантная дама в черных ботильонах и обтягивающем блейзере вдруг схватилась за не соответствующий ее виду рюкзак.

Выцепив свою поклажу за потрепанную лямку, Кейти обеими руками стащила ее с карусели. Затем принялась надевать рюкзак, причудливо изворачиваясь, пытаясь продеть руки в лямки, и чуть подпрыгнула, чтобы груз принял соответствующее положение на спине. Ощущая всю тяжесть своей ноши, нагнулась вперед, чтобы сбалансировать вес.

Она поплелась на выход из зоны прилета, где толпа ожидающих высматривала своих близких и любимых. Их взгляды сразу же устремлялись мимо нее на тех, кто следовал за ней. Крупный мужчина в свитере «Джайентс»[9] нырнул под ограждение и, раскинув мощные руки, заключил в объятия парня с хоккейной клюшкой. В отличие, возможно, от Миа с Финном, которым не терпелось посмотреть на Сан-Франциско, Кейти не спешила покидать аэропорт – вместо этого она присоединилась к толпе встречающих по другую сторону ограждения зоны прилета. Сняв рюкзак и поставив его на пол, она уселась сверху и стала наблюдать за происходящим.

Прошло много времени, но Кейти продолжала сидеть, сложив руки на коленях. Она начала ощущать ритм прилетов, стала понимать, в какой момент между рейсами вдоль заграждений освобождалось место и как оно начинало за-

---

[9] Название спортивной команды.

полняться в соответствии с появлявшейся на табло информацией. Если какой-то из рейсов задерживался или происходила некая заминка, две группы пассажиров сливались в одну, и у заграждений становилось невероятно тесно.

Отцы встречали дочерей, парни – девушек, мужья ожидали жен, бабушки с дедушками расцветали при появлении внуков и внучек, но ее интересовало именно воссоединение сестер. Иногда было довольно сложно определить, кто из женщин подруги, а кто – сестры, однако в большинстве случаев Кейти ощущала это инстинктивно. На это указывало что-то неуловимое в их объятиях, в продолжительности улыбок при встрече, в том, как брошенная одной из них шутка вызывала улыбку на устах другой. Сходство проявлялось в форме носов, в похожих жестах или в том, как они рука об руку шли, покидая аэропорт.

Одна дама в нарядном платье с рассыпанными по плечам ярко-рыжими волосами невольно зажала рот рукой, увидев свою сестру. Облысевшую голову последней частично скрывал лиловый шелковый шарфик, однако болезнь нашла свое отражение в землистом цвете ее кожи и впалых щеках. Порывисто шагнув навстречу, рыжеволосая схватила сестру за руки, легонько коснулась ее теперь уже отсутствующей линии волос и, окончательно растеряв остатки тщательно сохраняемого самообладания, заключила ту в продолжительные объятия, разрыдавшись у нее на плече.

Интересно, если бы кто-то понаблюдал за Кейти с Миа, со-

образил бы он, что они – сестры? Внешне светленькая, Кейти сильно отличалась от темноволосой Миа, однако наблюдательный взгляд обратил бы внимание на схожую полноту губ и одинаковые очертания бровей. А если бы хорошенько прислушался, то мог бы отметить одинаково отчетливо произносимые – результат прилежной учебы – окончания слов, но вместе с тем и одинаково неверное ударение в отдельных из них.

В ее мыслях стали возникать красочные воспоминания о Миа, казалось бы, давно забытые эпизоды их детства: как они лежали среди скал в разогретых солнцем и пахнущих распаренными водорослями лужах с водой, делали в море стойки на руках, и вода попадала в нос, как катались на своем первом велосипеде – вишнево-красном. Кейти крутила педали, а Миа восседала на руле. Как на безлюдном пляже зимой, сунув за уши перья чаек, играли в пиратов.

Кейти нравилось быть старшей, она играла эту роль с гордостью обладателя некоего почетного звания. «В какой же момент между нами стала появляться эта пропасть? – пыталась вспомнить она. – Была ли она следствием той враждебной обстановки, которая сложилась, когда умирала мама? А может, все началось гораздо раньше? И причина была не единственной? Мелкие, слившиеся в клубок эпизоды, с которыми произошло то же, что происходит с любимым платьем, которое со временем ветшает: сначала обтрепывается ворот, затем теряет форму лиф, и наконец, там, где рвутся

нити, возникают дыры».

– Мэм? – Возле нее стоял носильщик в темно-синей форме, с убранными под кепку дредами. – Вы тут с самого начала моей смены.

Кейти взглянула на располагавшиеся в нижней части информационного табло часы: она просидела здесь уже два часа.

– Я могу чем-то помочь?

Резко поднявшись, она почувствовала, как от долгого сидения у нее затекли колени.

– Нет, спасибо. Все в порядке.

– Может, вы кого-то ищете?

Она бросила взгляд туда, где обнимались две молоденькие женщины. Та, что повыше, на шаг отступила и, взяв руку другой, поднесла ее к губам и поцеловала.

– Да, – ответила она. – Свою сестру.

Позже она плюхнула рюкзак на кровать и с хозяйским видом – руки на бедрах – окинула взглядом свой номер в мотеле. Бежевые глянцевые стены были украшены двумя заключенными в рамки картинками с изображением тюльпанов. Поскольку окна не открывались, в спертом воздухе еще оставался запах предыдущих постояльцев. Она обратила внимание, что пульт телевизора крепился к пластиковому столику, а Библия и телефонный справочник лежали на прикроватной тумбочке. К длительному пребыванию подобные комна-

ты не располагали, но поскольку Миа останавливалась именно здесь, Кейти последует ее примеру.

Первым ее желанием было распаковать вещи, но ведь она теперь оказалась в роли странствующей туристки, следующей по маршруту Миа, и завтра – снова в путь, и на следующий день, и потом – тоже. В качестве компромиссного решения Кейти достала косметичку и поставила ее в глухой ванной по соседству с тщедушным кусочком мыла, предоставленным мотелем. Уставшая с дороги, она бы с удовольствием прилегла отдохнуть, но было лишь пять вечера. Если лечь спать сейчас, она проснется посреди ночи и будет вынуждена отгонять от себя дурные мысли. Решив, что разумнее все же было бы пойти перекусить, Кейти ополоснула лицо прохладной водой, подправила макияж и надела свежую блузку. Она взяла с собой сумочку, дневник Миа и вышла.

Портье объяснил ей, как найти тайский ресторанчик, куда, если верить записи в журнале, первым делом отправились поесть Миа с Финном. На закате дня Кейти шагала мимо пристаней по набережной Сан-Франциско, остановившись лишь раз, для того чтобы позвонить Эду и сообщить о том, что она благополучно долетела.

Вечерний туман висел над водой точно дым, и она поплотнее запахнула жакетку, втайне жалея, что не поддела под нее что-то теплое. В своем дневнике Миа написала, что Сан-Франциско представлял собой так называемый плавильный котел со смесью из художников, музыкантов, банкиров и

вольнодумцев и что она влюбилась в «наэлектризованный пульс деловой части города». В другой раз Кейти, согласившись, возможно, и прочувствовала бы очарование причудливой архитектуры, извилистых улочек и эклектики торговых фасадов, но сегодня она торопилась.

Она добралась до ресторана – весьма оживленного заведения, где, сидя за круглыми столами, люди болтали, смеялись, ели и пили. Один из официантов провел ее к местечку возле окна. Компания мужчин проводила ее оценивающими взглядами и возобновила беседу лишь после того, как она прошла.

Пока Кейти вешала и расправляла жакетку на спинке стула, официант убрал со стола второй комплект приборов. Из разнесенных по углам вытянутых колонок раздавались звуки джаза, но наряду с музыкой ее слух тут же наполнился разноголосием американских акцентов. Ощущая запах специй и ароматного риса, она только сейчас поняла, насколько голодна из-за того, что отказывалась от еды в самолете. Она заказала бокал сухого белого вина и, когда официант принес его, уже успела сделать выбор в пользу королевских креветок «по-пенангски».

Помимо меню занять ей себя было практически нечем, и она, выделяясь своим одиночеством, ощущала некоторую неловкость. Это становилось одним из множества мелких неудобств, с которыми ей предстояло ежедневно сталкиваться в путешествии, и масштаб всего предприятия вдруг

несколько обескуражил ее. Скрестив лодыжки, Кейти убрала ноги под стул, затем положила руки на бедра, расправила пальцы и попыталась расслабиться. Она похвалила себя за то, что впервые за много лет села в самолет и вот теперь находится одна в ресторане, в стране, где еще никогда не бывала. «Да я просто молодец». Протянув руку, она взяла вино, выпила полбокала и положила перед собой дневник Миа.

В самолете она прочла лишь первую запись, чтобы узнать, где Миа с Финном остановились и поели. Она пообещала себе, что будет вчитываться в каждое предложение, пытаясь вдохнуть жизнь в каждый эпизод, проживая его в тех местах, где побывала Миа, и, раскрыв тетрадь, странным образом ощутила, что ей вдруг стало как-то легче в компании написанных Миа слов, словно ее сестра села за столик напротив нее. Она с улыбкой прочла: «Финн даже покраснел, когда официант принес ему ложку вместо палочек – не вилку, а ложку!» – и представила, как Финн оставил на белой накрахмаленной скатерти следы своего ужина, и услышала заразительный смех Миа, который всегда любила.

Ей вспомнились доносившиеся к ней в спальню из комнаты Миа их с Финном взрывы хохота – эти звуки не затихали по несколько минут, поскольку они, закатываясь, еще и подзадоривали друг друга. Когда она наведывалась к ним, то могла застать Финна в натянутых по грудь брюках, удивительно похоже изображающим одного из преподавателей, или их обоих с намалеванными черным фломастером на фи-

зиономиях очками и кошачьими усами. Как ей хотелось тогда зайти в комнату и расхохотаться вместе с ними, но вместо этого она чаще всего застывала в дверях, скрестив на груди руки.

Кейти была не против их дружбы – у нее самой имелся узкий круг друзей, к которым она могла бы обратиться в любом экстренном случае. Ей не нравилось – и на то, чтобы это понять, у нее ушли годы, – что с Финном Миа делалась другой. В компании с ним она смеялась чаще и громче, они могли часами болтать о том о сем, в то время как одна Миа дома порой напоминала беззвучную тень. А еще он умел удивительным образом рассеивать ее мрачное настроение, тогда как Кейти, казалось, была способна их только провоцировать.

– Простите? Здесь не занято?

Вздрогнув, она оторвалась от дневника. Мужчина в бледно-желтой майке-поло указывал на свободный стул за ее столиком.

– Нет, – ответила она, посчитав, что он намеревался забрать стул, и несколько оторопела, когда тот стал усаживаться, ставя к ней на стол высокий бокал с пивом и протягивая ей руку.

– Марк.

Его пальцы оказались короткими и влажными. Своего имени она не назвала.

– Я здесь с друзьями – напарниками по сквошу, – заявил

он, кивая в направлении компании мужчин, которую она миновала на пути к своему столику. – Поскольку я опять проиграл, мне невыносимо тошно сидеть там с ними и вновь все это обсуждать. Надеюсь, вы не против, если я к вам присоединюсь?

Кейти была против и очень против. В других обстоятельствах она дала бы понять, что не расположена к знакомству, смягчив свой отказ вежливой шуткой, дабы мужчина мог ретироваться, не роняя своего достоинства. Однако нынешняя усталость полностью притупила ее навыки общения.

– Ну, так, – продолжил ободренный Марк, неверно истолковав ее молчание – и откуда же вы?

Она взялась левой рукой за ножку бокала, намеренно выставив вперед свое обручальное колечко.

– Из Лондона.

– Биг-Бен, мадам Тюссо, Ковент-Гарден. – Он хихикнул. – Был я там пару лет назад. Холодрыга. Но ничего. Очень даже ничего.

Она сделала глоток из своего бокала.

Взгляд мужчины упал на дневник.

– Тетрадка?

– Журнал.

– Так вы писательница?

– Он не мой.

Выгнув шею под непривычным углом, он сделал попытку разобрать, что там написано. Она обратила внимание, что

его глаза, расположенные слишком близко, делали его похожим на рептилию.

– А чей же?

– Моей сестры.

– Собираете на нее грязный компромат, да?

Она почувствовала, как от него пахнет алкоголем, и по блеску глаз поняла, что он пьян. Она посмотрела вокруг в надежде, что официант с ее заказом уже где-то рядом.

– Так поведайте мне… – Он сделал вопросительный жест рукой.

– Кейти.

– Так поведайте мне, Кейти, что же такое вы делаете с журналом вашей сестры?

Кейти несколько передернуло от его, казалось бы, безобидного упоминания о дневнике Миа. Ей захотелось резко закрыть его и побыстрее отделаться от этого нагловатого подвыпившего шута.

– Это личное.

– Уверен, она тоже так думала, когда писала! – Расхохотавшись, он собрался глотнуть пива. Она заметила, как его губа расплющилась о стеклянный край бокала.

– Простите, думаю, вам лучше уйти.

Он показался уязвленным, словно искренне считал, что беседа развивалась вполне удачно.

– Вы серьезно?

– Да. Серьезно.

Поднимаясь, он стукнулся коленом о столик. Бокал Кейти пошатнулся, но она в самый последний момент успела схватить его за ножку. А вот подхватить бокал с пивом уже не успела, и золотистая, с прозрачными пузырьками жидкость разлилась по раскрытому дневнику. В панике схватив салфетку, Кейти попыталась хоть как-то промокнуть его, однако гладкие кремовые листы уже пропитывались пивом, темнея и морщась. Она с ужасом наблюдала, как расплывается четкий и аккуратный почерк сестры.

– Кретин!

Две дамы за соседним столиком обернулись.

Мужчина поднял вверх руки.

– Успокойтесь, леди. Я лишь хотел культурно пообщаться. – Он с грохотом задвинул свой стул. – Похоже, игра окончена, – ехидно добавил он, кивая на испорченный дневник.

– Пошел ты… – с удовольствием выпалила она в ответ.

Сокрушенно качая головой, мужчина направился к своим дружкам.

Прикусив губу, Кейти отчаянно пыталась сохранить самообладание, но слезы угрожающе подступали. Сжимая в руках испорченную тетрадь, она схватила свою сумочку и жакетку.

Когда официант ставил на столик ее заказ, Кейти была уже в дверях. Она покинула свой дом, бросила работу, оставила своего жениха и своих друзей из-за отчаянного желания узнать, что случилось с Миа. Но сейчас, выскочив на улицу, окутавшую ее своим холодным дыханием, она подумала, не

совершила ли роковую ошибку. «Прости, Миа. Боюсь, я не справлюсь».

6
Миа

(Мауи, октябрь прошлого года)

Финн зашнуровывал туристические ботинки, подняв ногу на крыло арендованной машины. Он поставил будильник на четыре утра, чтобы отвезти Миа по извилистым дорогам с крутыми поворотами на самую высокую точку Мауи – вершину вулкана Халеакала – встречать рассвет. На высоте десять тысяч футов оказалось довольно холодно, несмотря на предупреждение о том, что к полудню наступит нестерпимая жара и пешим туристам едва ли удастся найти подходящую для отдыха тень.

– Воды много взял? – поинтересовалась Миа все еще хрипловатым от дремоты голосом.

– Хватит на двоих. – Он застегнул куртку, запер машину и подтянул лямки рюкзака.

Они отправились в путь при свете налобных фонариков. Финн шел впереди в надежде найти дорогу с твердым грунтом. Пеший туризм в ночное время опасен тем, что рельеф, особенности местности и почвы становятся трудноразличимы. Однако выбранная тропа оказалась довольно однород-

ной, и спуск в кратерную чашу был не слишком крутым. Оба шли молча. Единственным звуком, который они производили, был периодически раздававшийся хруст попавшего под ботинок кусочка пепельного шлака.

Рассвет пока не наступил, и воздух был сухим и холодным. У Финна возникло ощущение, что кожа на его щеках усохла и натянулась. Он обернулся, чтобы убедиться, что Миа не отстает, и луч его фонарика упал ей на лицо. Ее волосы были небрежно собраны в пучок, а черная кофта застегнута до самого подбородка. Лицо казалось серьезным и сосредоточенным.

– Все нормально?

– Нормально.

Они продолжили путь. Черное небо между тем становилось густо-фиолетовым, и начинали проступать очертания грозных вулканов и шлаковых конусов. Стройная, в хорошей физической форме, Миа не отставала. Она как-то сказала Финну, что любит пеший туризм за простоту перемещения с одного места на другое под открытым небом. С тех пор как они прилетели на Мауи, она подолгу бродила по пляжам в одиночестве, и Финн решил, что она проводит время в раздумьях об отце. Они пробыли на острове уже целую неделю, но она пока так и не встретилась с ним. И Финн не задавал лишних вопросов. Миа сама решит, когда придет время.

За долгие годы он научился распознавать ее настроение по некоторым мелким деталям поведения. Если, например,

в процессе беседы она посматривала на него краешком глаза, слегка покусывая при этом нижнюю губу, значит, хотела поговорить с ним о чем-то важном, и ему следовало, чуть поумерив пыл, сделать паузу, чтобы дать ей такую возможность. Он чутко улавливал подобные сигналы после тринадцати лет их дружбы – более продолжительной, чем многие браки, – и тем не менее до сих пор не мог с полной уверенностью сказать, как она к нему относится.

Он остановился.

– Давай расположимся здесь, – предложил он, показывая на возвышенный участок рядом с тропой, откуда они могли бы полюбоваться восходом. Небо посветлело и стало цвета индиго. Финн снял с головы фонарик, стряхнул со спины рюкзак и опустился, облокотившись на него. Миа села возле него, поджала к груди колени и зевнула. Он обратил внимание на легкий изгиб ее спины.

Вытащив из рюкзака позаимствованное из гостиницы тонкое одеяло, Миа накинула его на себя и Финна. Он уловил запах ее шампуня: персик с авокадо. По его телу разлилось тепло. Он сглотнул, закрывая глаза. Это было опасное чувство.

– Финн, – сказала она, и ее губы оказались совсем рядом с его ухом.

– Да?

– Спасибо, что согласился поехать на Мауи.

– Если б твой отец жил в Казахстане, я бы не поехал, –

попытался отшутиться он, выдавив из себя улыбку.

– Я серьезно. – Она смотрела на него пристально, почти в упор. – Я очень благодарна тебе за то, что ты здесь. – Прильнув к нему, она подняла голову и поцеловала его в щеку.

Он почувствовал, будто ему вновь шестнадцать и он вновь оказался среди толпы на том концерте: пот струйками стекает по спине, а на губах ощущение поцелуя Миа.

Финн осознал очевидное с той же ясностью, что и тогда: он влюблен в Миа.

«Халеакала» по-гавайски означает «дом солнца». На горизонте забрезжил рассвет, озаряя розовыми лучиками небо и подкрашивая серебристой краской брюшки облаков.

– Господи! – воскликнула Миа, подаваясь вперед.

Из-за кратера начало выползать ослепительно красное солнце – величественное божество во всей своей восхитительной красе. Свет восхода залил лунный ландшафт, окрашивая все вокруг густым глиняно-красным цветом. Уже стали видны высоченные шлаковые конусы и кратерная впадина, создававшие потустороннее впечатление, сравнимое лишь с фотографиями луны. Через несколько минут солнце, подобно улыбке, полностью расцвело за вулканом, и они почувствовали его первое ласковое тепло на своих лицах.

Это было неземное зрелище – одно из многочисленных чудес, которыми им еще предстояло насладиться вместе во время путешествия. Финн размышлял о тех неделях и месяцах, которые он час за часом будет проводить в обществе

Миа, и это представлялось ему неким изощренным истязанием. Он будет лежать рядом с Миа и прислушиваться, как ее дыхание, замедляясь, переходит в сон, но не будет иметь возможности обнять ее; будет ужинать с ней на закате, но окажется не вправе коснуться ее руки; будет выслушивать все, что ее тревожит, но не сможет поделиться с ней тем единственным, что не дает ему покоя.

Путешествовать бок о бок долгие месяцы в такой близости казалось невозможным и даже лицемерным. У него возникло ощущение, что его невольно подталкивают к принятию безальтернативного решения: признаться ей.

Миа скинула туристические ботинки и принялась стягивать мокрые носки, обнажая розовые опухшие ноги. Облепившая голени пыль заканчивалась ровно там, где начинались носки. Солнце чуть прихватило ей плечи, нос и скулы, и она с блаженством зашла под прохладный душ, ощущая, как вода ласкает кожу.

Они остановились в «Пайнэпл» – дешевой молодежной гостинице на северном побережье Мауи. Миа нравились радужные цвета ее номеров и овощная грядка в саду. Возможно, она еще как-нибудь вечерком полежит в гамаке или посидит с книжкой в тени пальмы. Но сейчас ее голова была занята не этим, поскольку еще в походе она решила, что сегодня отправится к Мику.

Она провела дезодорантом по подмышкам и заплела во-

лосы в одну ровную косу, поблескивавшую, точно лакрица. Надев свежую футболку с шортами, подхватила свою сумочку.

Финн готовил на общей кухне пасту и болтал с группой только что прибывших в гостиницу виндсерферов.

– Извини, – прервала Миа, положив руку ему на плечо. – Я собираюсь к Мику.

– Сейчас?

– Да.

– Прошу прощения, – сказал Финн своим собеседникам и вышел за ней из кухни. – Погоди, Миа. Ты это точно? Я мог бы пойти с тобой.

– Нет, я хочу одна.

Он понимающе кивнул:

– Ты знаешь, куда идти?

– Хозяин гостиницы сказал, это в десяти минутах ходьбы.

– Скоро стемнеет.

– Вернусь на такси.

Финн потер подбородок:

– Что ж – надеюсь, все будет хорошо.

Она вышла тут же, чтобы не было времени передумать. Прошлась по городишку Паиа, диковинному местечку, усеянному лавками с натуральными продуктами, вегетарианскими кафешками, магазинчиками для виндсерферов и бутиками с пляжными принадлежностями. Городок окружали поля сахарного тростника, распространявшие в воздухе неж-

ный запах. Все зеленело и цвело пышным цветом, и ей казалось, будто она вышла на улицу после неожиданно хлынувшего ливня.

На тропинке из-за поворота появились два мальчугана – с влажными волосами, босые, с досками для серфинга под мышкой. Вместо того чтобы свернуть на улицу, шедшую прямо к дому Мика, Миа двинулась по тропинке, которая сквозь пальмы и папайю привела ее на широкий пляж.

Воздух благоухал, пропитанный цветочным ароматом. Сбросив шлепанцы, она пошла по теплому песку, который приобрел розовый оттенок вечернего солнца. Икры и бедра слегка побаливали после пешего похода, и, отыскав песчаную дюну, она опустилась на нее.

Волны накатывали ровными линиями, точно армейские шеренги. Миа стала наблюдать, как каждая из них, грациозно поднявшись до своего максимума, мощно обрушивалась с брызгами и грохотом, досылая белую пену до самого берега.

Позади грозных волн ее внимание привлек одинокий серфер. Он отчаянно греб по набухающему под ним океану, который затем внезапно выбросил его на самый верх водяной горы. Там он поднялся на ноги и ринулся вниз по стеклянной поверхности волны. Он сделал два лихих поворота, подняв ребром доски пенный гребень, и выскочил наверх за мгновение до того, как вал с рокотом и пеной рухнул вниз. Миа вдруг осознала, что наблюдает за ним, затаив дыхание.

Она вынула из сумочки дневник и положила его на ко-

лени. Четыре строчки отцовского адреса были написаны на клочке бумаги, который она сунула в середину разворота, где начала записывать краткие заметки и вопросы.

С помощью письма Миа систематизировала свои мысли: видя, как слова обретают на бумаге физическую форму, она узнавала проступающие в них очертания ощущений или эмоций, которые могла осмыслить незаметно для всех. В разговоре все казалось сложнее. Ее восхищало, как Кейти могла запросто, плюхнувшись в кресло и подперев щеки руками, озвучить все свои горести. Советовали ей что-то Миа с мамой или нет, было очевидно, что привести свои мысли в порядок Кейти помогало именно то, как она облекала свои беды в словесную форму – примерно так же, как морозный воздух прочищает пазухи, – и после этого ей неизменно становилось легче.

Сейчас, глядя на разворот тетради, Миа поняла, что из всех записей наиболее важными были два вопроса, и она обвела их в кружок. С первым все выглядело просто: «Кто такой Мик?»

Ей были известны основные моменты: когда он познакомился с матерью, ему было двадцать восемь – на семь лет больше, чем ей. Четыре месяца спустя они поженились и купили небольшой дом в Северном Лондоне, где родились Кейти и Миа. Мик работал в музыкальной индустрии и за свою карьеру создал три независимые фирмы: две первые прогорели, а третью он продал перед отъездом на Мауи. Ма-

ма неохотно вдавалась в подробности этой темы, отказываясь говорить о том, кто практически не занимался воспитанием своих дочерей. В редких случаях она отзывалась о нем как о человеке, не лишенном обаяния и весьма изобретательном в плане бизнеса, но в то же время чрезвычайно эгоистичном и напрочь игнорировавшем свои отцовские обязанности.

Второй обведенный кружком вопрос казался сложнее. Еще будучи ребенком, она ощущала, насколько они с Кейти разные. Преподаватели хвалили Кейти за позитивное отношение к труду и за ее авторитет среди школьных друзей и жаловались на плохое поведение Миа и ее недостаточное прилежание в учебе. Именно Кейти всегда являлась тем, на кого следовало равняться Миа, а не наоборот.

Разница, которую они сами осознавали между собой, была намного больше той, что виделась со стороны. Миа порой даже удивлялась, не явилось ли их различие следствием того странного совпадения, что их рождение пришлось на один и тот же день – 11 июня, лишь с разницей в три года. В год, когда Миа исполнялось двенадцать, а Кейти пятнадцать, Миа попросила устроить барбекю на пляже, а Кейти, которая на тот момент заканчивала среднюю школу, мечтала о вечеринке. В качестве компромисса мама предложила устроить вечеринку на берегу моря.

Кейти пригласила с дюжину школьных друзей. Мальчишки рванули прямиком к воде, а девочки наслаждались пред-

закатным солнцем. Миа отправилась в соседнюю бухту с Финном – единственным гостем с ее стороны. Они копали червей, бегали, резвились, размахивая над головой обрывками спутанных водорослей, похожими на толстые канаты. Ко всем остальным они присоединились, лишь когда запахло горячими бургерами. Забрав свои тарелки, они вдвоем уселись среди скал и бросали объедки нахально собравшимся поблизости чайкам.

Миа наблюдала за тем, как Кейти плавно переходила от одного гостя к другому, осведомляясь, всем ли хватает еды, есть ли у них напитки и весело ли им. Она обращала внимание на то, как девочки при ее появлении расцветали, а мальчишки провожали ее глазами. Одна из приглашенных, миниатюрная девчушка, вовремя не заметившая волну, здорово намочила джинсы и теперь сидела с бумажной тарелкой на коленях в одиночестве, определенно расстроенная своей оплошностью. Увидев это, Кейти отошла от группы собеседниц и села рядом с ней. Проведя рукой по влажным джинсам, она шепнула что-то на ухо горемыке, отчего та в голос расхохоталась, тут же позабыв о холодной, прилипшей к ногам ткани. Когда Кейти встала и протянула ей руку, девчушка поднялась и последовала за ней к группе других гостей.

Это произвело на Миа впечатление. В пятнадцать лет, когда большинство подростков неуклюжи и импульсивны, Кейти интуитивно удавалось создавать для людей непринужденную обстановку. Со своего наблюдательного пункта сре-

ди скал она смотрела, как сестра подошла к маме, когда та снимала с гриля последнюю партию побуревших сосисок и укладывала их на свободную тарелку. Когда они встали рядом, чуть наклонив светловолосые головы друг к дружке, и дружно посмотрели в сторону моря, Миа неожиданно осознала, насколько ее мать с сестрой похожи. Сходство было не только физическим, оно проявлялось и в их внутренних особенностях. Обе отличались общительностью и обладали даром понимания других людей, обе были наделены способностью интерпретировать жесты и выражения, которая абсолютно отсутствовала у Миа.

Признание их сходства удручало Миа, но причину этого она поняла лишь много позже, когда смертельная болезнь матери – рак – перешла в заключительную стадию. Миа должна была приехать домой навестить мать, и ее здорово «занесло»: она заявилась на три часа позже того времени, что оговаривала с ней по электронной почте Кейти. От головной боли стучало в висках, и она буквально источала пары алкоголя.

Когда она ввалилась, Кейти с небольшим кожаным саквояжем спускалась по лестнице.

– Мама спит.

– Хорошо.

На нижней ступеньке Кейти остановилась. В непосредственной близости Миа увидела, что веки у нее красные и опухшие.

– Ты опоздала на три часа, – сказала Кейти.

Миа пожала плечами.

– Было бы неплохо извиниться.

– За что?

Кейти вытаращила глаза:

– Ты задержала меня на целых три часа. У меня были определенные планы.

– Уверена, твой дружок тебя поймет, – заявила Миа, недвусмысленно поведя бровью.

– Речь не о нас, Миа, а о маме. – Кейти понизила голос. – Она умирает. Не хотелось бы, чтобы ты потом, оглядываясь назад, о чем-то сожалела.

– Как, например, о том, что у меня такая сестра? – Это был по-детски глупый, подлый выпад, который не делал ей чести.

– Не понимаю, что ты за человек, – сказала Кейти, проходя мимо.

Этой фразой она попала в точку, затронув именно то, что не давало Миа покоя: раз она не была похожа на мать, как Кейти, значит, оставался лишь один вариант – Мик. И поскольку о нем она знала лишь то, что он оставил свою семью, вторым обведенным в кружок вопросом стал: «Кто я такая?»

Подняв голову, Миа увидела, что тени от пальм наползают на пляж, и, понимая, что обведенные ею вопросы ждут ответов, встала и отряхнула с ног песок.

Когда она брела по пляжу, ее внимание вновь привлек

одинокий серфер, который отчаянно греб, взбираясь на волну. Затем он полетел с вершины водяной горы с изяществом танцора, выгибая тело и вращая бедрами, чтобы уловить малейшие нюансы движения. Миа наблюдала за ним в восторге, стоя как вкопанная, пока тот, устремившись к берегу, не предоставил белому вспененному прибою вынести его почти на самый песок. Затем он соскользнул с доски и, сунув ее под мышку, вышел на берег.

Он выглядел немногим старше нее, был наголо выбрит, а на внутренней стороне его руки, от кисти до локтя, темнела татуировка. Большим и указательным пальцами он протер глаза от соленой воды и поморгал. Затем, поставив доску, вновь развернулся к океану, где на горизонте все еще пылал багрянцем закат. Он стоял, скрестив руки на груди и чуть приподняв подбородок. Его поза казалась стоической, непоколебимой и одновременно созерцательной. Миа с любопытством наблюдала за его сосредоточенным взглядом, словно он был в неком сговоре с океаном.

Прошло несколько минут – небесная пылающая краснота побледнела до теплого оранжевого сияния, а мужчина продолжал неподвижно стоять. Миа понимала, что ей надо идти, но стоило ей сделать шаг, как тот резко обернулся.

Он взглянул на нее в упор, и в выражении его лица можно было прочесть нечто похожее на негодование, как если бы она посягнула на нечто предназначенное ему одному. На его лице не было ни намека на улыбку, он и бровью не повел в

знак хоть какого-то приветствия. Его глаза прятались в тени густых ресниц, но напряженный взгляд пронзил ее насквозь. Будто окаменев от такого взгляда, она почувствовала, как запылали ее щеки. В какое-то мгновение ей показалось, что он вот-вот что-то скажет, но серфер, опустив голову, вновь отвернулся к горизонту.

Она продолжила свой путь, оставляя пляж в его распоряжение. Узкая тропинка привела ее к частным домам, которые выходили фасадами на побережье. Благодаря оросительным системам ухоженные газоны оставались свежими и зелеными, на асфальтированных парковочных дорожках стояли внушительные автомобили с тонированными стеклами. Дом Мика, номер 11, был двухэтажным, с терракотовой крышей, побеленным фасадом и голубыми ставнями на окнах. В изогнутых клумбах по обе стороны ведущей к дому дорожки росли яркие тропические растения, и Миа уловила витавший в воздухе нежный аромат красного жасмина.

Она неловко помялась на обочине дорожки. Сердце заколотилось, и, сунув руки в карманы, она попыталась унять дрожь в пальцах. С каждой минутой ее волнение усиливалось. Грядущая встреча не являлась результатом праздного любопытства, она имела для Миа гораздо бóльшее значение. В своей семье она постоянно чувствовала себя неким аутсайдером, и мысль о том, что где-то на белом свете живет ее отец, на которого она как раз и была похожа, странным образом приносила ей определенное успокоение. Она приеха-

ла на Мауи, чтобы в некотором смысле поставить перед ним зеркало и узнать, разглядит ли она там, в отражении, себя.

Миа сделала глубокий вдох и заставила себя переставить ноги. Оказавшись перед входной дверью, она взяла себя в руки и нажала на звонок.

7
Кейти

(Калифорния – Мауи, апрель)

Кейти взглянула на ярко освещенные буквы международного аэропорта Сан-Франциско. Вокруг с багажными тележками сновали пассажиры, оживленные вереницы такси, мини-вэнов и автобусов ныряли в карманы для высадки людей. Дважды просигналил какой-то автомобиль. Зажглись чьи-то фары. Хлопнула очередная дверца. Все заглушил раздавшийся в небе гул взлетающего самолета.

Вынув из кармана телефон, Кейти набрала номер и зашла в здание аэропорта.

Эд ответил на звонок. Она услышала шум льющейся воды и представила себе его с полотенцем вокруг талии, наносящим на лицо пену для бритья.

– Это я. – Она уже два дня ни с кем не разговаривала и, удивившись собственному неуверенному голосу, откашлялась. – Я сейчас в аэропорту.

– Где?

– В Сан-Франциско. – Она чуть замялась. – Я лечу домой.

Она слышала, как он закрыл воду.

– Что случилось? Ты в порядке?

Кейти помнила, что, когда она собиралась в эту поездку, Эд подверг сомнению мудрость ее решения. Одно дело, когда в путешествие по удаленным уголкам планеты отправилась Миа, но Кейти была из другого теста, и он не верил, что ей такое по силам вскоре после потерись сестры.

– Я не могу, – призналась она.

– Кейти…

– Да, я и вправду хотела. И мне страшно подумать, что… – Не выдержав, она расплакалась, и по ее щекам покатили слезы.

– Ничего, все хорошо, милая.

Она вытирала слезы рукой. Хорошего ничего не было. Она пробыла в Америке всего двенадцать дней и улетала из Англии в полной уверенности, что поездка по маршруту Миа поможет ей понять, что произошло. Однако чем дольше длилось ее путешествие, тем больше в своих ощущениях она отдалялась от Миа. Она не протанцевала до утра в одном из клубов Сан-Франциско, не искупалась в нижнем белье в Тихом океане. У нее не хватило духу ни отправиться в Йосемити, чтобы сверху полюбоваться водопадами, ни побродить по вековым лесам Редвуда, у нее не хватало воли кочевать по живописным турбазам, где останавливались Миа с Финном, или ночевать в палатке под пологом звездного неба. Она оказалась неспособной ни путешествовать, как сестра, ни понять ее.

Вместо этого она переезжала из гостиницы в гостиницу, либо обедая в забегаловках, либо заказывая еду в номер, чтобы избежать походов в ресторан, и до поздней ночи смотрела фильмы, намеренно оттягивая отход ко сну. Дни проходили в поездках на автомобиле по безлюдным прибрежным магистралям, с остановками в отведенных местах и сидением на капоте с накинутым на плечи пледом под шум пенистого прибоя.

Воспоминания о Миа сопровождали Кейти ежедневно. Некоторые она вызывала сама – так было уютнее: она словно переставала ощущать холодную пустоту из-за отсутствия сестры, если воспоминаний оказывалось достаточно, чтобы в них укутаться. Другие заявлялись непрошено – либо навеянные легким ветерком, либо воспроизведенные звучавшей по радио песенкой, либо спровоцированные нечаянным жестом незнакомца.

– Не ожидал, что ты так быстро, – мягко, без какого-либо упрека заметил Эд.

И он оказался прав. Он неизменно оказывался прав все это время.

– Уже купила билет? – спросил он.

– Нет.

– Я хочу, чтобы ты вылетела домой ближайшим же рейсом. Сколько бы это ни стоило – я возмещу. Я лишь хочу, чтобы ты поскорее вернулась, целая и невредимая.

– Спасибо.

– Боже, я так по тебе соскучился. Может, мне стоит взять небольшой отпуск? Засядем на несколько дней у меня дома. Готовку я беру на себя. Посмотрим старые фильмы. Можем подолгу гулять – погода уже совсем весенняя.

– Правда? – рассеянно переспросила она.

– Вот твои друзья-то обрадуются! Все о тебе беспокоятся. Мой почтовый ящик с входящими сообщениями никогда не заполнялся с такой скоростью! Как только вернешься домой, сразу почувствуешь себя лучше, обещаю.

Вернуться в Англию, оказаться у него дома, в его объятиях – именно этого ей и не хватало. Ей необходимо быть там, где до друзей рукой подать, где не надо изучать карту в поисках супермаркета, где, зная расписание сеансов в кинотеатре или занятий в фитнес-клубе, она сможет распорядиться каждым часом своего незанятого времени. А новый мир, в который она ступила, оказался гораздо больше, чем она его себе представляла.

– Позвони мне сразу, как забронируешь билет. Я тебя встречу. – Он чуть помолчал. – Жду не дождусь тебя, Кейти.

– Я тоже, – отозвалась она, однако уже в этот момент в ее душу вкралась некоторая неуверенность.

Она подняла рюкзак Миа, уже привычно надела на плечи и отыскала очередь к стойке оформления билетов. Очередь петляла среди заграждений, и Кейти встала за семейством с ребенком, спавшим на тележке с грудой чемоданов.

Очередь вяло двинулась вперед, и Кейти переместилась

вместе с ней. Когда очередь вновь застопорилась, Кейти, расстегнув боковой карман рюкзака, вытащила оттуда дневник Миа. Она провела пальцем по его обтрепанным уголкам и потертому искривленному корешку; кремовые листы от пролитого пива разбухли и побурели. Она стала листать сморщенные страницы.

Дневник оказался для Кейти настолько ценной находкой, что ей не хотелось пропустить ни единого слова, и она читала по одной записи в день. Но теперь – раз она сходит с маршрута Миа, – нет и причин воздерживаться от чтения. Она открыла ту страницу, на которой остановилась – Миа с Финном едут по раскаленной солнцем Долине Смерти, – и продолжила чтение.

Ей стало известно о рукотворной красоте Дамбы Гувера и крошечной придорожной закусочной, где продавались самые вкусные «тако» с говядиной из всех, что Миа когда-либо пробовала. Она прочла о том, как Миа с Финном пили теплое пиво, наблюдая за кружившим над Гранд-Каньоном грифом, и узнала, как, путешествуя по Национальному парку Джошуа-Три, они в поисках красивых видов облазили все здоровенные красные валуны.

«Казалось, ты была так счастлива, Миа. Что же изменилось? Вы с Финном увидели столько всего невероятно красивого, и вдруг ты оказалась одна на Бали. Зачем ты среди ночи забралась на ту скалу? Неужели после того, что я тебе наговорила? Неужели все так и было? И ты спрыгнула? Боже

мой, Миа, что же все-таки произошло?»

Судорожно листая дневник, Кейти буквально прожигала взглядом страницы. Словно вскрывая грудь Миа, она вынимала оттуда кости с мясом, чтобы заглянуть прямо в сердце. У нее перед глазами прошло все, что Миа чувствовала и переживала. В своем стремлении понять Кейти, забыв о тяжести висевшего на плечах рюкзака, глотала предложение за предложением, перескакивая от одного абзаца к другому. И тут она наткнулась на имя, при виде которого едва успела закрыть рот рукой, чтобы не вскрикнуть.

Мик.

Миа писала, что планировала навестить отца, которого обе не видели уже более двадцати лет. Для матери с именем Мика был связан такой тяжкий груз разочарований, что ни у Кейти, ни у Миа абсолютно не возникало желания как-то с ним связаться. До сего момента. Она продолжила листать в надежде убедиться, что возникшая у Миа идея оказалась сиюминутной прихотью.

Однако стали выясняться новые подробности. В разворот двойной страницы Миа сунула кусочек разлинованной бумаги, предположительно с его адресом. Вокруг пестрело многообразие слов, фактов, размышлений. Кейти обратила внимание на то, что два вопроса были обведены черной ручкой: «Кто такой Мик?» и «Кто я такая?» Вопросы запали ей в душу, и нахлынули воспоминания.

Как-то месяца за два до отъезда Миа разбудила Кейти в

три часа ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.